

Девушка Лето

**Грешные. Подарок
Солнца. Часть 1
КНИГИ**

Девушка Лето

**Грешные. Подарок
Солнца. Часть 1 книги**

«Автор»

2026

Лето Д.

Грешные. Подарок Солнца. Часть 1 книги / Д. Лето — «Автор»,
2026

О человеческих добродетелях, слабостях и изменностях. Всё, как в настоящей жизни. Двенадцатый век. Барон, чья жизнь – это вечная борьба. Но главные битвы он ведет не с врагами, а внутри своей семьи. Его дети, его женщины – все они часть сложной игры, где на кону стоит не только власть, но и сама душа. История о долге, любви и цене, которую приходится платить за счастье в мире, где правят сильные.

© Лето Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Судьбоносная встреча	5
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Девушка Лето

Грешные. Подарок Солнца. Часть 1 книги

Глава 1 Судьбоносная встреча

начало июля 1145 года

Восточная Англия, графство Норфолк, владения барона Грейстоунского

Лето этого года было очень жарким и крестьяне, обрабатывая барщину в крепости своего феодала – четыре дня в неделю – изнывали от жары. Мужчины обхаживали скот и работали на поле, а женщинам была задана более легкая работа: полоть грядки на огороде, выпасать коров и овец на лугах.

Саннива, до этого работавшая лишь за пределами крепости, сегодня второй день трудилась в ней, а точнее, помогала в саду собирать уже поспевшие абрикосы. Девушка стояла у дерева, принимая плоды, после чего укладывала их в большие плетеные корзины и, уже наполненные, относила их к ограде сада. Некоторые плоды были немного переспевшими и, когда Саннива брала их в руки, тонкая шкурочка рвалась, выпуская наружу сочную мякоть, и Саннива просто не смогла удержаться от того, чтобы не съесть парочку, да еще и ладоши облизать, чтобы они не были такими липкими от сока. Позже эти плоды разделят на несколько частей: что-то съедят сразу, часть их уйдет на варенье, а остальное – на сладкие и вкусные тянучки, какие всегда было так приятно смаковать в зимнюю пору, запивая горячим отваром из трав.

Справившись со всем, женщины расположились в тени деревьев на мягкой травке, дабы передохнуть и подкрепиться хлебом и абрикосами. Саннива быстро жевала, успевая весело переговариваться о чем-то с приятельницами.

Сразу же все женщины обратили внимание на то, что во внутреннем дворе появился сенешаль Грейстоун-Кастла, родственник и приближенный барона – сэр Канут Уэйк - и когда стража стала открывать въездные ворота, поспешил к ним, дабы встретить своего господина с очередной охоты.

Управляющему шел двадцать восьмой год. Он был высоким и сухощавым, в точности, как его покойный отец, сэр Айвор Уэйк. Внешне он очень походил на него: вытянутое лицо, ястребиный нос, волевой подбородок с ямочкой, покрытый светлой щетиной. Глубоко посаженные мутно-зелёные глаза с прищуром и светло-русые волосы. Он был одет в опрятную и хорошо пригнанную одежду из добротного коричневого сукна, а под мышкой он держал папку в кожаном переплёте, где находились необходимые ему грамоты и отчёты по хозяйству.

Во дворе появилось восемь мужчин, спешившихся с лошадей, которых они вели рядом. Все они были одеты одинаково и максимально удобно: в легкие туники светлого некрашеного сукна, опоясанные широкими кожаными поясами, узкие штаны, и закрытые башмаки мягкой кожи на ремешках и с твердой подошвой. Ноги от колен до лодыжек закрыты наголенниками, сделанными из кожи, для защиты ног от веток и ударов о стволы деревьев. За спиной у всех были луки и колчаны со стрелами, а за кожаными поясами – небольшие кинжалы в ножнах.

Шедший первым был среднего роста, но коренаст и крепок, с густой копной темно-каштановых вьющихся волос. Именно к нему подошел Канут, учтиво поклонился, и они о чем-то заговорили, пока остальные мужчины повели обратно на конюшню лошадей и понесли в погреб на задний двор пойманную добычу, с которой предстоит содрать кожу или общипать от перьев, затем выпотрошить и приготовить затем различными способами.

Канут проводил утомившегося Хорсу к садовой беседке, где тот присел на скамью и стал жадно испивать прямо из кувшина прохладную воду.

- Что-нибудь желаете, господин? – пытаюсь угодить барону, спросил зеленоглазый управляющий.

Канут доводился барону близким родичем – был сыном покойного Айвора, брата матери Хорсы. Господин доверял ему все свои дела и очень ценил, всегда держа его подле себя.

- Нет, пока что, лучше скажи мне, есть ли какие-то вести из моих крепостей и маноров?

- В округе все спокойно, господин, ваши вассалы прислали письменные отчеты, которые я, с данного Вами ранее мне позволения, перечитал, и не нашел поводов для беспокойства. Жалоб ни у кого нет, все прилежно трудятся на Ваше и всеобщее благо, - отчитался слуга.

- Прекрасно, - довольно усмехнувшись, одобрительно кивнул Хорса. – Позже я сам все просмотрю. Какие вести от моего Осмунда?

- Управление дается ему тяжеловато, но он старается преодолевать все трудности. Леди Бертиль чувствует себя отлично, чуть более месяца осталось до того, как она вновь подарит ребёнка Вашему наследнику. – Канут улыбнулся одними губами, выражая свою сдержанную радость по этому поводу.

Барон довольно усмехнулся:

- Дай Всевышний, на этот раз родиться здоровый мальчик. У Бертиль крепкое здоровье. Довольно с меня внучек. А как там мои Хельга и Пэтси, как моя жена?

- Леди в порядке, милорд. Сейчас жаркое время, а потому они находятся в покоях.

- Хорошо, скажи, пусть обед накрывают здесь, я не хочу сейчас в покои, - велел барон, и Канут позвал одного из слуг, дабы распорядиться о приказе господина.

Отдохнувшие женщины, взяв в руки по корзине, прошествовали по садовой тропе к внутреннему двору, через который шел путь на большой задний двор, где находился склад со всеми припасами, чтобы перебрать там абрикосы на хорошо созревшие и те, что переспели или местами повреждены – такие сразу отдадут на корм птице или скоту. Проходя мимо беседки, где сидел барон Хорса, все они хором выкрикивали: «Доброго дня вам, господин!», «Здоровья Вам, господин!»

Хорса же отвечал им, усмехаясь:

- И вы здравствуйте, честной народ!

В отличие от норманнов, которые всегда свысока смотрели на слуг, у саксов было принято иное: чтобы слуги не только почитали, но и любили своего господина. Хорса, не желая ничего менять в старом порядке, часто запросто мог держаться с челядью, справлялся, всего ли им достает, помогал, если в чем-то была нужда. Однако, и жестокости в его управлении было не занимать: для провинившихся в чем-либо он никогда не скупился на наказания, разбирая судебные иски или жалобы крестьян, барон иногда даже предвзято судил правонарушителя, чтобы другим неповадно было. Его одновременно восхваляли и побаивались.

Саннива слышала от приятельниц, мельком видевших барона Хорсу Грейстоунского, что их господин ещё молод - ему годом или двумя менее сорока лет - имеет приятную наружность, а ещё, о нём говорили, что он сильный, отважный и смелый воин, сражавшийся за самого короля и даже, что он с ним в добрых отношениях. Разумеется, ей как представительнице низкого сословия и просто юной девчужке, любопытно было поглядеть, на знатного человека. Так ли он в действительности красив, как болтают девушки?

Посему же, девушка немного отстала от идущих женщин и с неприкрытым интересом рассматривала сидящего в беседке барона. Да так загляделась, что не заметила торчащего из земли камня, о который споткнулась и упала, выронив из рук корзину с плодами и содрав себе кожу на коленке.

Только случись это, все сразу обратили взоры на нее, в том числе и барон со своим управляющим. Саннива смутилась и зарумянилась на щеках.

- Простите, господин, - пролепетала девушка, и торопливо принялась собирать абрикосы обратно в корзину, стараясь не поднимать взгляда.

- Ты что, не видишь, куда ты идешь? Глупая девчонка! – возмущенно воскликнул Канут, гневно прожигая Санниву взглядом. – Здесь отдыхает наш господин, а ты устроила невесть что! Собирай-ка поживее и возвращайся к своим обязанностям!

Саннива на миг подняла виноватый взор на Канута и вторично пролепетала:

- Простите, управляющий, я не нарочно.

Увидев светлые зеленые глаза девушки, Хорса с интересом вглядывался в них, и даже телом немного подался вперед, рассматривая незнакомую девушку.

Юная, крепкая, одета в длинную тунику грубого сукна без рукавов. Длинные светлые волосы, мерцающие золотом пшеницы, заплетены в тугую косу, переброшенную на плечо. Кожа лица и рук приобрела бронзово-медовый оттенок от пребывания под солнцем, лицо с приятными чертами выражало смятение и растерянность.

Внезапно сакс поднялся со скамьи и решительно направился к девушке, которая замешкалась ещё больше.

Повернув к ним головы и глядя на все происходящее, заинтересованные женщины старались медленнее продвигаться ко двору, ведь сам барон присел рядом с девушкой, и стал помогать ей собирать абрикосы, а Саннива еще больше смутилась, встретившись глазами с пристально изучающим её взглядом взрослого и привлекательного мужчины.

- Как тебя зовут?

- Саннива, господин. Простите меня, я не хотела.

- Успокойся, Саннива, - снисходительно улыбнувшись ей, сказал он, - ничего страшного ведь не случилось.

Собрав все обратно в корзину, Саннива взяла ее в руки и быстрым шагом пошла за женщинами. А Хорса еще секунду смотрел перед собой, воспроизводя в памяти ее черты: чуть вытянутое и нежное округлое, светло-зеленые небольшие глаза, обрамленные светлыми короткими ресницами, слегка волнистые светлые пряди, обрамлявшие ее лицо и, видимо, выбившиеся из косы во время работы.

Хорса приблизился к Кануту и, поманив его пальцем, проговорил негромко к наклонившемуся слуге:

- Сегодня ночью я хочу видеть ее у себя в покоях.

Благодаря тому, что барон Хорса Хардфист владел десятками поместий в восточных и южных графствах, а также, по весне – со своими людьми каждый день проделывали десяток-другой миль, скупая у йоменов шерсть. И минувшей, и этой весной господин скупил немало руна и весьма удачно продал его на ярмарке в Норидже, оставшись очень довольным прибылью.

Его семейство жило в достатке и изобилии, могшее позволить себе больше затрат на различные предметы роскоши, какие были недоступны для большинства менее зажиточных семей землевладельцев.

И этим знойным летним днем баронесса с дочерью и внучкой скрывались от палящих лучей солнца в покоях, обставленных незатейливо, но со вкусом. Скамьи у стены покрыты сукном, на полу роскошный ковер. Круглый стол, резные стульчики, широкая кровать из крепкого дуба, застланная ярко вышитым покрывалом. Вдоль стен стояли резные сундуки, всюду вышитые подушки, а на стенах были развешаны расшитые гобелены¹, вышитые как самой баронессой, так и преподнесенные ближайшими родичами или гостями барона ей в качестве подарка,

¹ Гобелен – вид искусства, стеной односторонний безворсовый ковер с сюжетной или орнаментной композицией, вытканый вручную перекрестным переплетением нитей

изображающие различные сюжеты – рыцарь, отдающий свое сердце благородной даме, святые, творившие свои чудеса, соколиная охота господина со свитой, рыцари, отправившиеся в крестовый поход.

Обстановка царила умиротворенная и по-семейному приятная.

Баронесса восседала в дубовом кресле с резными ножками, высокая спинка, сиденье и подлокотники которого были наполнены мягкой шерстью и обтянуты узорчатым дамассом, у оконной ниши, держа в руках пальцы с неоконченной вышивкой, и в который раз ловко продела иглу сквозь ткань, делая стежок, и протянула нитку. Вглубь ниши стоял ящичек с яркими мотками ниток, пестрый бисер в коробочке. Ее зрение было не таким ясным как многие годы назад, однако взор напряженно сосредоточился на вышивании – до того миледи любила это дело, привносящее в душу некую гармонию и успокоение.

Женщина выглядела молодожаво, но молодость давно прошла, уступив место зрелости. Под глазами залегли тени, на лице давно появились морщинки. Из украшений на баронессе были излюбленные ею серебряные серьги с камнями бирюзы, подаренные супругом, и серебряное кольцо с сапфиром на пальце, которое так же было подарком барона, в честь рождения их детей, и которое она не снимала с того самого дня.

За столом сидела ее дочь Хельга и маленькая внучка Пэтси – милейшая девочка с каштаново-рыжими волосами и темно-кариими глазами.

- Полагаю, сегодня Ваше самочувствие лучше, матушка? – с тенью беспокойства на лице поинтересовалась Хельга, искренне переживавшая за свою мать.

- Благодарю, милая, как видишь, лучше, - улыбнулась леди Фрида, и с нежностью в серо-голубых глазах посмотрела на дочь.

Несмотря на то, что внешне и по характеру две женщины были совершенно разными, между ними всегда были близкие и доверительные отношения.

Будучи единственной любимой дочерью барона, коей было позволено многое, леди Хельга выросла избалованной любительницей роскоши – даже сама она не знала сколькими нарядами из дорогих тканей заполнены ее сундуки, сколько драгоценностей заполняют ее многочисленные шкатулки. Молодая женщина обладала отменным вкусом и особую слабость питала к драгоценным камням, что всегда неизменно сверкали на ней, а потому миледи день ото дня выглядела великолепно и изысканно!

Молодая женщина унаследовала отцовские черты: вытянутую форму лица, очертания чела и скул, болотно-карий цвет глаз, которые всегда смотрели на окружающих с надменным достоинством и неким превосходством. Нос был аккуратным и ровным; верхняя губа изогнута, как лук, подобно тому, как у её отца, а левый уголок рта опущен чуть ниже правого, создавая заметную асимметрию на красивом лице. Правую скулу украшали две маленькие родинки. Волосы у неё были длинными и волнистыми, темно-каштанового цвета, которые она всегда с гордостью носила распущенными, подбирая лишь передние пряди у лица.

Характер ее был неоднозначен, своенравен, а язык острым. Она обладала живостью ума и природной женской мудростью, компенсирующими её невежество, благодаря чему она умело вила верёвки из отца. Свою семью Хельга трепетно любила и безмерно почитала, даже питала некую зависимость от одобрения родителей, особенно в юном возрасте, ибо привязанность и преданность ее своей семье были беззаветны.

К примеру, однажды, ее брат Осмунд упал с коня. Жеребец увидел перед собой змею, испугался, встал на дыбы, сбросив юношу на землю. Осмунд серьезно не пострадал, хвала Небесам, лишь отделался легким испугом и ушиб ногу, но Хельга решила отомстить нерасторопному животному, что едва не убило ее брата. Она пошла на конюшни и велела конюху заколоть гнедого, что и было исполнено. Непримириемость у обидчикам ее родных была извечной чертой молодой госпожи.

На крепостных обитателей она всегда смотрела свысока, относилась с пренебрежением, пользуясь своим положением и понимая своё превосходство. Если была чем-то недовольна – иногда могла приказать высечь провинившуюся служанку. Чванная со всеми, подле своей слабостью здоровьем матери она становилась прилежной дочерью, с нею же – и проводила большую часть своего времени, за беседами и вышиванием, будучи в нем не столь умелой, как баронесса, и теперь тоже занимаясь им скорее от безделья, чтобы развеять скуку.

Дочери баронской четы ныне шел двадцать второй год, и к этому времени леди Хельга уже овдовела, так и не познав женского счастья в браке. Заключённый в Найджелом д`Обиньи брачный союз носил политический характер, и желанию молодой девушки, привыкшей к всеобщему обожанию и почитанию, никто не спросил, ибо на то была воля самого монарха.

Дело было так... Императрица Матильда, претендовавшая на английский трон вторглась в страну с помощью предавших короля Стефана английских баронов, во главе с Робертом Глостерским – самым верным соратником и лидером её партии в Англии.

В сентябре 1139 года императрица высадилась на побережье Суссекса и укрепилась в замке Арундел, который принадлежал её Аделизе Лувенской, всегда благоволившей падчерице. Но когда к замку подошла армия короля Стефана, Аделиза была вынуждена выдать гостью, смогла договориться о том, что Матильде будет позволено присоединиться к единокровному брату Роберту, графу Глостеру, обосновавшемуся в Бристоле, который стал главным центром сторонников императрицы в Англии.

Роберт Глостерский развернул широкомасштабные действия против короля. Отряды графа захватывали земли в западных графствах и совершали набеги на владения короля и его сторонников на юге страны.

Гражданская война вскоре превратилась в непрекращающиеся грабительские набеги различных феодалов на земли своих противников, что превратило в опустошение страны.

Граница территорий, какие контролировали король и Глостер, пролегла вдоль Котсуолдских холмов, расположенных главным образом на территории графств Оксфордшир и Глостершир, земли по обе стороны от которых подвергались наибольшему разорению и постепенно безлюдели.

На протяжении 1139-1140 годов военные действия велись с переменным успехом. Выступивший в поддержку императрицы Давид I, король Шотландии, захватил большую часть северной Англии, к северу от реки Тис.

В дальнейшем на протяжении гражданской войны, Уильям д`Обиньи и Аделиза Лувенская сохраняли верность Стефану. Нуждающийся в поддержке король в это время создал ряд графских титулов, и д`Обиньи получил титул графа Линкольна, что привело к разрыву Уильяма де Румара с королём Стефаном, и он присоединился к своему брату по матери, Ранульф де Жернону, графу Честера, и они вместе хитростью в конце 1140 года захватили город и замок Линкольн.

В январе 1141 года Роберт Глостер со своими войсками, включая валлийских наёмников, прибыл на соединение с армией Ранульфа. 2 февраля 1141 года их объединённые силы разгромили войска короля Стефана, прибывшего отбить город.

Стефан Блуаский был пленён и помещён в Бристольский замок, где его заковали в цепи, а Матильда с Робертом Глостерским двинулись к Уинчестеру, где императрица заключила сделку с епископом Генри Блуа Уинчестерским, по которой он обеспечит её поддержку церкви в обмен на предоставление ему полновластного контроля над церковными делами Англии. Генрих передал Матильде казну и отлучил от церкви многих сторонников Стефана, какие отказались перейти на другую сторону. В апреле 1141 года в Уинчестере состоялось официальное избрание Матильды королевой Англии. Она приняла титул *госпожи Англии и Нормандии*, как обычно по традиции именовались английские монархи в промежуток времени между их избранием и коронацией.

Затем императрица Матильда двинулась в Лондон, по пути занимая крепости сторонников Стефана – Оксфорд и Ридинг. В июне императрица в сопровождении Роберта Глостерского и своего дядя шотландского короля Давида вступила в Лондон, жители которого в целом оставались на стороне Стефана. Уже после своего избрания королевой Матильда начала массовую раздачу земель и титулов своим сторонникам, что продолжила делать и находясь в Лондоне.

Однако правление её оказалось недолгим, ибо лондонцы, возмущённые пренебрежением Матильды к их привилегиям, ведь она попыталась обложить их тальей², её надменностью и высокомерием, сформировали собственное движение для защиты личных свобод, и в городе вспыхнул бунт. Жители взялись за оружие, и изгнали Матильду, так и не успевшую короноваться, из города.

В тоже время и супруга Стефана, Мод Булонская, сыграла большую роль в поддержке движения за короля, пока тот был в плену. Она собирала вокруг себя оставшихся соратников мужа на юго-востоке и двинулась на Лондон, где к ней присоединился Вильгельм Ипрский, с крупной армией сторонников короля, набранной им в Кенте. Войска королевы Мод вошли в Лондон, где их с воодушевлением встретили горожане. Лондон даже предоставил в королевскую армию отряд в тысячу солдат.

Королеве Мод путём массовой раздачи земель и денег удалось привлечь на свою сторону часть бывших соратников императрицы. Наибольшее значение имел переход на сторону короля Генри Блуаского, папского легата и епископа Уинчестерского, который имел огромное влияние на английское духовенство.

Узнав об этом, в сентябре 1141 года императрица Матильда приняла войти в Уинчестер и осадить дворец епископа, однако армия королевы Мод, значительно превосходившая силы соперницы, перешла в наступление и войска императрицы обратились в паническое бегство. Битва при Уинчестере³ закончилась пленением Роберта Глостерского победой законной королевы Мод, а императрице Матильде довелось отступить в Оксфорд в результате поражения анжуйцев в этой битве.

Самой Матильде удалось спастись и добраться до Глостера. Однако граф Роберт был пленён, и императрице для освобождения своего брата пришлось пойти на тяжёлую жертву: в первых днях ноября она отпустила на свободу короля Стефана в обмен на Роберта Глостерского.

После освобождения популярность Стефана значительно возросла, в большей степени по причине того, во многом благодаря жестокому обращению с ним в тюрьме и возмущению политикой Матильды в период её недолгого правления.

Тот ноябрь стал для леди Хельги, как она считала, переломным моментом. Ибо король собирал вокруг себя сторонников в столице, которые сохраняли ему верность на протяжении всего этого времени, и в числе которых был Хорса Грейстоунский, её отец, всячески поддерживающий королеву Мод в то время, когда она собирала войска, расплачивалась с отрядами, отправляла отряды.

Король даровал Уильяму д'Обиньи, утратившему титул графа Линкольна, титул графа Суссекса, или по-иному, графа Арундел. Для закрепления союза между короной и знатными д'Обиньи, монарх принял решение выдать замуж единственную дочь своего вернейшего подданного Хорсы Хардфиста за младшего брата графа Арундела, Найджела д'Обиньи.

Для Хельги это известие было сравнимо с громом среди ясного неба! Обласканную родительской любовью, всеми обожаемую и лелеемую девушку никто не спросил, чего желает она. Разумеется, отец по прибытии в Лондон разговаривал с ней и пояснял, что он не в силах ничего поделать, ведь так пожелал их король, и его воля не подлежит обсуждению, а матушка сердечно благословила свою милую девочку на счастливый брак. Но в груди Хельги так и роилась неяс-

² Талья – земельный налог, взимаемый королем в произвольной сумме.

³ Битва при Уинчестере – 14 сентября 1141 года.

ная тревога, когда их с Найджелом д'Обиньи, который, впрочем, тоже не выглядел довольным, сочетали браком в Вестминстерском соборе мрачным, дождливым и промозглым ноябрьским днём. Она чувствовала себя овцой на закланье, которую приносят в жертву непонятному человеку, в чьем лице было нечто капризное и жёсткое.

Для юной леди жизнь с мужем стала обязанностью и нескончаемой чередой унижений. Ибо брат графа Арундела предпочитал отношениям с женщинами мужеложство. Для него, как и для Хельги – это был первый брак, несмотря на то, что на то время давече ему исполнилось почти тридцать. Их первая брачная ночь стала для неё настоящим кошмаром, о котором Хельга постыдилась и впервые в жизни побоялась рассказать даже своим родителям. Она понимала, что Хардфисты ниже по положению, чем д'Обиньи, и это может обострить барона Грейстоунского с новоиспечёнными родственниками.

Явившись в выделенные им на время пребывания в Лондоне покои, Найджел даже не удосужился снять с себя одежду, а просто схватил молодую жену за белоснежную с кружевом ночную сорочку и толкнул на ложе так, что она упала лицом в перину, и приспустив штаны, грубо и как-то поспешно взял сзади, причиняя боль, как будто ему и самому было отвратительно соитие с ней.

Эта ночь стала первой и последней в их супружеской жизни. Тогда удача оказалась благосклонной к Хельге, и она понесла этой ночи. Ибо, не случись этого, позорное клеймо бесплодной женщины непременно бы пало на неё. В мире, созданном мужчинами и для мужчин, никто не стал бы обвинять в отсутствии детей супруга.

Для проживания молодой четы графом Арунделом был отведён замок Райзинг, выстроенный за несколько лет до этих событий и расположенный в родном для Хельги графстве Норфолк. Так что, Хельга могла часто принимать в гостях своих родителей, которые не пренебрегали случаем навестить любимую дочь. Д'Обиньи потратил значительные средства на возведение замка, который представлял собой сочетание крепости и роскошного охотничьего домика, и на обустройство обширного оленьего парка.

Беременность протекала тяжело. Особенно в первые месяцы Хельга занемогала от постоянной слабости и недомоганий. Девушку воротило от еды и постоянно кружилась голова. Лекарь прописывал ей различные горькие травяные отвары, которые помогли лишь на время.

В августе 1142 года на свет появилась девочка, которую нарекли Патрицией, что означает «благородная». Найджела их маленькая дочь только раздражала своим непрерывным плачем, а вот Хельга всем сердцем полюбила её, понимая, что она осталась одна и кроме дочери у неё больше никого нет. Она находила в ней утешение.

Найджел же охотился, пил вино и развлекался с хорошенькими пажами, конюхами или каменщиками, иногда меняя свои привязанности, пока его жена занималась воспитанием дочери. Каждый из них жил своей жизнью, но Найджел никогда не преминул возможностью как-то задеть свою молодую жену. Хельга могла бы смириться, делай он это когда они остаются наедине – что случалось крайне редко, когда он приходил посмотреть на дочь, а потом сразу же отворачивался и уходил – однако ему будто доставляло удовольствие делать это на людях. Даже на пирах Найджел публично демонстрировал пренебрежение женой и её честью, и Хельга была не в силах ничего с этим поделать. В душе Хельги полыхал неистовый огонь, она люто ненавидела его, но продолжала молчала терпеть. Да, когда граф Арундел наезжал навестить брата и его семью, Найджел был более сдержан, а если какое-то дурное слово вылетало из его рта, то Уильям осаждал его, а графиня Аделиза всегда обращалась с Хельгой любезно и смотрела с неким участливым снисхождением.

Однако, стоило ему возвратиться в свой замок, всё начиналось по новой.

Надо сказать, что их жизнь была полна роскоши. Хельга заглушала чувство оскорбления и униженности бесчисленными тратами. Д'Обиньи владели несметными богатствами, и Най-

джел никогда не придавал значения тому, сколько денег тратит его жена. Возможно, что щедрость была единственной его достойной чертой.

Хельга всегда одевалась в яркие наряды и множество тяжелых драгоценностей, душилась так излюбленным ею жасминовым маслом, стремясь показать всем, что она – полна достоинства, гордости и нисколько не уязвлена тем, как супруг обращается с ней. Однако в душе будучи глубоко несчастной...

Жизнь молодой женщины шла своим чередом — размеренно и однообразно.

День за днём, неделю за неделей она проводила в крепости или же в садах, его окружающих. Самостоятельно занималась воспитанием дочери, которая, к её сожалению, росла похожей на Найджела. Хельга читала книги, вышивала или спала. Ей изредка позволяли выбираться на охоту с соколом, и то в сопровождении мужа и его очередного фаворита.

Она вынужденно покорялась судьбе, с каждым месяцем, делаясь все более несчастной и угрюмой, ведь она никому не могла рассказать о своей беде. Она всегда пребывала в недовольствии, раздражении, нервозности, часто срывалась на челядь, ибо её тогдашняя жизнь – однообразная, пустая и скучная – душила её, но надо отдать должное, как матери, никогда не показывала своего настроения при маленькой дочери.

Со временем, и вся та роскошь, в которой она нуждалась, уже не приносила привычной радости. Она ещё больше закрылась в себе от окружающих и от мира, а на её лице давним давно не было улыбки – лишь сухое и мрачное выражение.

Несчастливый брак, дочь, похожая на ненавистного мужа, безделье и скука – всё это злило и мучило её.

Однако всё изменилось, когда Патриции исполнился примерно год. Она подросла, проявляла интерес ко всему, что окружало её, и Найджел неожиданно проявил себя, как заботливый и любящий отец.

Простой люд всегда всё видит и знает, и обсуждать поступки господ ему не закажешь. Можно только вообразить, что говорилось в конюшнях и кухне, в харчевнях за кружкой эля и по вечерам во внутренних дворах замка о лорде Найджеле, и леди Хельге пришлось вмешаться, чтобы укротить особенно злоречивых. Узнав об этом, граф Арундел отозвался одобрительно, а Найджел даже стал держаться с нею с неким снисхождением, какого ранее не удостоивал, и их отношения стали на толику непринуждённые.

Однажды осенью⁴ на очередной охоте с Найджелом не приключилась нелепость, на которую поначалу он не обратил внимания, обернувшееся его кончиной. Подумать только, пустячная царапина о ветку на ноге, однако по прошествии нескольких дней рана загноилась, начались жар и лихорадка, из-за чего Найджел, всегда имевший отменное здоровье, не протянул и месяца.

Как же возликовала в душе молодая женщине в тот для неё день, когда лекарь объявил о том, что её муж покинул этот мир! Ведь это значило то, что она обрела долгожданную свободу и сможет вернуться в родной Грейстоун-Кастл! И все же, подобающе надела траур и сопровождала его в последний путь, надеясь, что уже вскоре сможет покинуть столько времени душившие её стены замка Райзинг, и вернуться в под крыло к родителям. Боялась только, что граф Арундел отнимет у неё Патрицию, на что имел все основания, ведь она принадлежала к роду д`Обиньи. Но Господь смилостивился над нею.

После похорон брата Уильям д`Обиньи наведалься в покои невестке. Посмотрел, как Патриция прижимается к матери, как та гладит её по каштаново-рыжим волосам, утешая. И отослал служанок, велел забрать и девочку.

- Ты можешь приступать к сборам и возвращаться в отчий дом, Хельга, - мрачно сообщил граф и почему-то замолчал, рассеянно блуждая взглядом по комнате.

⁴ В октябре 1144 года Хельга овдовела.

- Милорд, но как же моя дочь? – с надеждой осведомилась Хельга.

- Патриции надлежит остаться здесь, но я позволяю вам вернуться вместе, - к облегчению молодой женщины, отозвался граф после недолгой паузы. – Я осведомлён обо всём, что происходило в этих стенах. О том, как обращался с тобой мой брат, но ты держалась достойно, занималась дочерью, и не позволяла злословить о нём никому. И я могу быть уверен в том, что она не услышит от тебя ни единого дурного слова о Найджеле. Но у меня будет условие.

- Я слушаю, милорд, – осторожно ответила она, внутренне вся напрягшись.

- Пиши мне о здоровье и успехах Патриции, ибо она – единственный ребёнок моего непутёвого брата.

В порыве благодарности Хельга опустила на колени и поцеловала край его темного одеяния.

- Да благословит Вас Всевышний, милорд, за Ваше милостивое сердце! – горячо восклицала она. – Да хранит Он всех, кого вы любите! Я никогда не забуду Вашей доброты, милостивый граф Арундел!

Граф мрачного посмотрел на сидящую у его ног молодую женщину и, не произнеся больше ни слова, вышел.

Хельга вернулась в Грейстоун-Кастл. Спустя короткое время туда прибыл гонец из замка Арундел, сообщивший, что граф Арундел велел ему доставить положенную вдовью долю для леди Хардфист – небольшой сундук золота.

Она носила траур лишь первые несколько месяцев, ибо не хотела омрачать детство своей дочери темными красками скорби. Она всегда говорила Пэтси, что её отец теперь живёт на Небесах, и маленькая девочка, ещё не о конца осознавшая происходящее, смиренно и спокойно воспринимала это, всем чистым детским сердцем веря в то, что её отец стал ангелом и теперь живёт рядом с Господом. Хельга делала всё для того, чтобы детство Пэтси было счастливым и умиротворённым, чтобы её дочь росла в окружении любящей семьи и видела лишь яркие краски вокруг себя.

Хельга и теперь посмотрела на свою дочку, которая была так похожа на своего отца – каштаново-рыжие волосы и темно-карие глаза.

Пэтси скусающе играла с глиняной куклой, когда-то запеченной в печи и разукрашенной яркими красками и миниатюрными фигурками животных, сделанными из серебра.

- Mamochka, я уже хочу поиграть с Бусинкой, - закапризничала девочка, которая достаточно хорошо разговаривала для своих неполных трёх лет, и посмотрела на Хельгу.

- Доченька, ты ведь знаешь, как жарко в эту пору на улице, - терпеливо поясняла молодая женщина. – Если выйти сейчас, солнышко напечет и потом тебе будет нехорошо. Вот спадет жара – и пойдем все вместе, погуляем в саду, и Бусинку возьмем с собой непременно. Ладно?

- Ладно, мамочка, - улыбнулась девочка. – И Вы пойдете с нами, бабушка? – обернулась она к баронессе. – Вы ведь уже не болеете?

- Разумеется, милая, мы поедем все вместе, - улыбнулась леди Фрида, отвечая любимой внучке.

Детей ее сына Осмунда она видела регулярно, но все же не так часто, как хотелось бы, а потому старалась как можно больше своей любви отдавать Пэтси.

В двери покоев негромко дважды постучали – и вошла служанка и ровесница баронессы, Тильда. Женщина всю свою жизнь пробыла подле леди Фриды, не имея собственной семьи, вырастила ее детей, а также – нянчила и маленькую леди Пэтси, с тех пор как леди Хельга овдовела и вернулась в Грейстоун. К слову, Тильда была единственной из слуг, к кому леди Хельга не относилась с присущей ей надменностью, а напротив, даже с благосклонностью, ведь служанка вырастила их с братом и была по-своему близка.

Тильда поклонилась, не сдерживая радостной улыбки.

- Госпожи мои, благие вести. Из Толл-Тауэра сообщили, что лорд Осмунд не испытывает никаких забот, а леди Бертиль чувствует себя прекрасно.

Баронесса и леди Хельга оживленно переглянулись между собой.

- Я так рада за Осмунда, матушка, - сказала Хельга. - Дай Всевышний, малыш родится здоровым.

- Дай Всевышний, доченька, - согласно кивнула баронесса. - Может, мы с тобой навестим его в скором времени? Я так соскучилась по нему и внукам.

- Как пожелаете, матушка. Да и я уже хочу повидать брата. А ты, Пэтси, соскучилась по сестренкам и братику? - нежно улыбнулась молодая госпожа, обращаясь к четырехлетней дочери.

- Да, мама, я приеду, и мы с ними поиграем, - воодушевленно прошептала девочка, и даже хлопнула в ладоши. - А со служанками играть мне скучно. Они взрослые, чтобы играть.

Баронесса с дочерью переглянулись и обе улыбнулись, любясь сообразительной малышкой.

До самого вечера Саннива и еще несколько женщин пробыли в складском помещении на заднем дворе крепости, перебирая абрикосы. И все же, в летнее время темнело не так быстро, как в зимнее, и солнце начало садиться довольно поздно. Когда пришла мистрис средних лет, отдававшая им распоряжения, которая была женой одного из рыцарей барона, закончившие работу девушки поднялись на ноги, намереваясь уже отправиться в свое селение.

Мистрис отпустила всех, лишь Санниве велела остаться и следовать за ней. Девушка с непониманием уставилась на ту:

- Простите, мистрис, но ведь время уже позднее. Позвольте, я сделаю все, что скажете, завтра.

- Не надо больше ничего делать. Сегодня ты останешься в Грейстоуне.

- Неужели я в чем-то провинилась? - заволновалась она.

- Не болтай лишнего. Ты хорошо справилась со своей работой. Идем-ка.

Санниве осталось лишь пожать плечами к самой себе и, в то же время, насторожившись, устало последовать за мистрис, выйдя на задний двор, далее пройти за ней в дверь, что вела в помещение для челяди, оттуда подняться по ступеням в главный зал, где все ещё суетились слуги, заканчивая свою работу, и наконец, пройти в небольшую дверь, обнаружившуюся за выступом одного из каминов, ведущую в небольшое треугольное помещение между выступом башни и стеной, отделявшей его гот зала. Саннива не стала рассматривать внутренние убранства крепости, хотя находилась ту впервые, ибо шла со смиренно опущенной головой, а сердце её тревожно билось из-за непонимания причины того, почему она здесь находилась.

Комнатушка, видимо, была ткацкой - кругом прялки, станки для тканей.

- Пройди вон туда и быстренько обмойся, после переоденься в чистое, - велела ей мистрис, кивнув на деревянную ширму у стены, отчего Саннива насторожилась еще больше.

- Мистрис, прошу, скажите, в чем же дело?

- До чего ты неумна! Будешь много болтать, я велю выпороть тебя розгами! - голос женщины был рассержен. - Делай, что говорю, да поживее!

Саннива оробела, стусевалась и безропотно подчинилась приказам, испугавшись наказания. Она прошла за ширму. Там стояла большая бадья с теплой водой и скамья, на которой лежал грубый обмылок из козьего жира и березовой золы, отрез чистого сукна и чистое одеяние.

Саннива неохотно сбросила с себя свою запыленную тунику грубого сукна и принялась поспешно омываться: сначала ополоснула лицо и шею, затем намылила ладошки и обмыла тело. Вытершись чистым отрезом сукна, она взяла и развернула аккуратно сложенную чистую

тунику некрашеного светлого сукна с узкими рукавами, переделась в неё и вышла из-за ширмы к ожидавшей её мистрис.

Та кивком велела Санниве следовать за ней, и они покинули помещение.

Хорса тем временем уже ждал ее.

Эта девушка чем-то взбудоражила его душу. Думая об этом, Хорса постоянно хмурился и испытывал нервное напряжение, ибо ожидание казалось вечным. И вместе с тем он желал, как можно скорее овладеть ее телом, ибо эта Саннива весьма хороша собой, хоть и не красавица, но приглядная, она сумела пробудить в нем желание. Она вызывала в нем какие-то смешанные чувства, и Хорса хотел разобраться в них.

Женщина привела Санниву к широким двустворчатым дверям из дуба и с красивой резьбой, где по обе стороны стояли двое стражников. Девушка непонимающе посмотрела на сопровождавшую ее и только хотела открыть рот, собираясь что-то сказать, но та быстро пропихнула ее в покои и двери закрылись за спиной саксонки.

Покои были очень просторными и богато обставленными – таких Саннива прежде никогда не видела в своей жизни.

Непривычно ярко освещение давала прикованная к потолку круглая железная люстра с горящими свечами. Холодный камень пола покрывали овчины. В стене внушительное углубление очага, какой топился в холодную пору года, а сейчас – там просто лежали друг на друге несколько толстых пней. По обе стороны от него – два настенных кованых канделябра с зажженными свечами. Широкое ложе, скрытое под тенью нависающего над ним массивного дубового балдахина с распахнутыми тяжелыми шторами из зеленого дамста...

Саннива непонимающе огляделась и встретила взглядом с... бароном?

- Господин, - растерявшись от неожиданности, молвила она, то ли спрашивая, то ли просто утверждая, после вспомнила, что нужно поклониться.

Он вальяжно восседал в дубовом кресле с высокой спинкой, резными узорами и мягким сиденьем, набитым шерстью, по-мужски широко расставив ноги, и не без удовольствия, взглядом хищника наблюдал за ней.

Саннива стояла неподвижно, покорно опустив глаза.

Барон поднялся с кресла, сделал несколько шагов к ней.

- Подойди ко мне ближе, - прозвучал его хрипловатый голос в повелевающем тоне.

Саннива с опасением сделала несколько шагов к мужчине, оказавшись на небольшом расстоянии от него и подняла взор.

Коротко раздраженно выдохнув от ее пугливого выжидающего взгляда, Хорса снова шагнул к ней, сократив расстояние между ними до минимума и коснувшись ее предплечья, он ощутил, как она скованна и невероятно напряжена. Она так прерывисто дышала...

Сакс вглядывался в её черты, они казались ему ещё детскими, невероятно нежными: очи цвета почти прозрачного, светло-зелёного, точно молодая весенняя трава, широкие пшеничного цвета брови с плавным изломом, слегка курносый нос, полные розовые губы. Овал лица был нежным, с невыразительными скулами и мягкой линией щёк и подбородка.

Хорса коснулся кончиками пальцев её щеки, от чего Саннива встрепенулась, затем провел рукой по её волнистым золотисто-светлым волосам.

- Сколько тебе лет? – спросил он её.

- *Пятнадцать*, - ответила она, стараясь не запинаться.

Юная девушка застыла под пронзительным, довлеющим, жадно изучающим её взором болотно-карих очей барона. Черты лица его вытянутого лица казались внушительными и какими-то острыми: волевой подбородок и выразительные углы нижней челюсти, ястребиный нос, тонкогубый рот с опущенными уголками, что придавало его лицу жесткости и некой надменности. Было в нём нечто дикое, необузданное и свободное...

От недолгого зрительного контакта с ним она стала взвинченной, растеряно заморгала и, в конце концов, потупила взор, стараясь не смотреть на него.

- Ты понимаешь, зачем ты здесь, верно? – ровным голосом спросил Хорса, хотя внутри него с каждой секундой нарастало желание.

Саннива понимала, чего он хочет, и, хотя она не имела представления о том, как это происходит между мужчиной и женщиной, мысль близости приводила ее в оцепенение! Она нервно взглотнула и невольно обхватила себя руками в как бы защитном жесте, прекрасно, однако, осознавая, что это мало ей поможет.

Мужчина издал короткий смешок, понимая, что сейчас она находится в его власти и наслаждаясь этим ощущением. Он небрежно спустил тунику с плеч Саннивы и одеяние соскользнуло с её тела, смявшись на каменном полу, оставив её нагой. Его оценивающий взгляд скользил по ней... Саннива на пару дюймов ниже него, не более. Тело было подтянутым, стройным и крепким, грудь полная и упругая, слегка выпуклый животик, а ноги – крепкие и стройные. На правой руке, на внешней стороне предплечья, виднелось светло-коричневое родимое пятно. Оно было довольно крупным, размером с орех.

Рука его огладила шею, плечо, скользнула по груди, талии и округлым бёдрам... Кожа на ощупь была еще по-детски нежной. Саннива стояла, ошеломленная, и мелко дрожала всем телом, а барон ощутил, как твердеет и возбуждается его плоть.

Хорса притянул ее к себе и припал горячими губами к нежной шее. Потом властным движением руки погладил ее спину, а другой – стал ласкать грудь, осыпая при этом плечи и шею жадными поцелуями.

Она вздрагивала от его прикосновений и, слабо упершись руками в его твердую мускулистую грудь, жалобно изрекла:

- Господин, прошу вас...

- Молчи, - зло прорычал Хорса, уже потерявший над собой контроль, и стал подталкивать девушку к ложу.

Когда она упала на него, Хорса навалился сверху и резким толчком вошел в нее, что Саннива вскрикнула от резко пронзившей ее боли.

Дальше все было как в тумане. Саннива осознала только, что противиться не имеет смысла, ведь он все равно сильнее, и от того обомлела всем телом, став, словно тряпичная кукла в его руках. Она отвернула голову и роняла немые слезы, пока Хорса совершал в ней грубые толчки и издавал отвратные стоны, забирая ее невинность.

Когда всё закончилось, Саннива, словно загнанная птичка, стала натягивать на себя покрывало, дабы скрыть наготу и отвернулась, не в силах смотреть на него. Она лежала, поджав ноги и пытаясь с правиться с дрожью.

Хорса же равнодушно отвернулся и быстро погрузился в дремоту.

Саннива молча глотала горькие слезы и не понимала, как жить дальше, а через какое-то время почувствовала, что Хорса снова тянется к ней и снова овладевает ее телом.

Лишь после третьего раза он уснул, а она долго пролежала без сна, стараясь дышать как можно тише, и моля Всевышнего в мыслях о том, чтобы только закончилась эта ужасная ночь, о том, чтобы он забрал ее жизнь. Ибо после такого не хотелось жить, не хотелось больше ни нового дня, ни солнечного света. Санниву покинули всякие чувства, уступив место глубокому потрясению души, шоку и отчаянному непониманию.

Утро. Покои баронессы.

Леди Фрида сидела за накрытыми круглым столом и трапезничала. Подле нее, по обыкновению, сидели леди Хельга и маленькая Пэтси. Слуги только подали свежеприготовленные яства: баранью похлебку, пресную ячменную кашу без масла, отварное мясо куриной грудки,

еще горячие лепешки, салат из свёклы с зеленым луком, сдобренный сметаной, и тушенную капусту.

Баронесса была облачена в простое синее платье и неизменно излюбленные украшения. Ее волнистые темно-русые волосы были разделены на прямой пробор и уложены сзади в низкий узел, и отменно к этой причёске шел простой серебряный обруч вокруг чела. Некогда ясные голубые глаза женщины теперь были выцветшими... с возрастом красота нещадно покидала её, да и усугубившаяся за эти годы болезнь желудка наложила свой отпечаток.

Молодая леди Хельга же – в узкое туго шнурованное платье-блию ярко-алого тонкого бархата, идеально пригнанного по ее стройной фигуре, а в дополнение ему надела украшения с кроваво-красными мелкими рубинами в серьгах и чуть большего размера камнем в кулоне. Пэтси была одета в розовое платье с нежной вышивкой и уже все уши прожужжала своим маме и бабушке о том, как ей хочется навестить дядюшку Осмунда, своих кузин и кузена!

- Сегодня я поговорю с господином, - говорила баронесса. – Надеюсь, вскоре мы отбудем к Осмунду в крепость.

- Хвала Всевышнему, матушка, эта благая весть принесла нам радость, - отвечала ей Хельга, имея ввиду беременность невестки. – И Ваш недуг отступил – это так же не может не радовать.

- Это все вы с Пэтси, мои любимые дочь и внученька, да, моя милая девочка?

Их спокойствие нарушили раздающиеся из коридора неистовые женские крики, и от того баронесса недоуменно посмотрела на дочь.

- Что это там? – сказала женщина и поднялась со своего места. – Идем, глянем.

Дочь баронессы насторожилась и, велев маленькой Пэтси сидеть на своем месте, поспешила выйти вслед за отворившей двери матерью.

В коридоре, со стороны покоев барона, что размещались неподалеку от покоев леди Фриды, два стражника тащили под руки незнакомую госпожам девчонку, которая отчаянно сопротивлялась удерживавшим ее мужчинам, пыталась вырваться и не шла ногами, от чего ее буквально волокли по земле.

Совсем юная. Даже младше Хельги. Белокурая и растрепанная... Ее лицо было заплаканным, глаза покрасневшими, а нижняя губа разбитой, от чего из небольшой ранки сочилась тонкая струйка алой крови.

Она орала, точно безумная:

- Барон, будьте Вы прокляты! Нидеринг! Отпустите меня, грязные псы! Отпустите! Ненавижу вас! Ненавижу! Да покарает вас Господь! А-а-а!

Глядя на нее, леди Фрида ощутила, как от потрясения у нее подкашиваются ноги, и она оседает, но ее успевает поддержать дочь, а перед глазами все плывет.

Что это? Что господин сделал с этой девочкой? Неужели...?

Боль и унижение. Снова, в который раз ей довелось испытать эти чувства, ставшие уже совсем привычными для нее за годы жизни в браке с человеком, которого она по-прежнему любила. Той же первой, чистой любовью, которую он так и не смог оценить.

Уже много лет господин открыто принимал у себя молодых девиц, тем самым унижая и глубоко рняя свою законную супругу. Леди Фрида молча все сносила, не позволяя себе высказать неуважение мужу и сетуя на судьбу и Всевышнего за то, что у нее не получилось все изменить.

Ибо, когда умерла Снэфрид, она попыталась сблизиться с супругом, она дарила ему любовь и всяческую поддержку, она ни единожды не упрекнула его в измене, которая стала для нее сильным ударом. И на время у нее получилось, у них даже родился еще один сын, но вскоре скоропостижно умер.

После же, господин и вовсе перестал принимать ее, предпочитая проводить ночи с многочисленными любовницами. Она замкнулась в себе, проводила все ночи в слезах, оплакивая своего малыша, и смогла вынести все испытания только лишь благодаря детям.

В прошлом таких девиц было немало, но всегда все происходило тихо, и все в крепости делали вид, что этого не замечают, а увиденное ею сейчас зверство... приводило женщину в неопишувемый ужас! Это была жестокость, которая находилась за гранью ее понимания!

Стражники увели девушку в конец коридора и свернули за угол, а леди Фрида не переставала смотреть на то место, где они скрылись.

- Пойдемте, матушка, прошу Вас! – Речь Хельги была взволнованной, а болотно-карие глаза с сочувствием глядели на мать. Она приобняла ее за плечи и пыталась мягко увлечь обратно вглубь покоев, но баронесса не поддавалась ее попыткам и уговорам. – Мама, я умоляю, идите со мной! – У дочери барона и у самой внутри все похолодело.

Следом из своих покоев быстрым вышел и сам барон: разъяренный, с побагровевшим от злости лицом и насупленными бровями – однако, заметив свою жену, он остановился. Лицо его изменило выражение на более сдержанное.

Фрида устремилась к нему, но Хельга удерживала ее за предплечья.

- Мама...

Тогда женщина высвободилась и, сделав несколько шагов навстречу к супругу, с невыносимой мукой на лице посмотрела на него. Ее взгляд был переполнен страданием, там читался только один вопрос: «За что?»

- Фрида... - вымолвил барон, не зная, что еще сказать ей, чувствуя себя недостойно.

Женщина открыла рот, чтобы сказать что-то, но у нее закружилась голова, и она стала оседать. Она потеряла сознание.

Хельга сидела на ложе рядом с лежащей там матерью, и держала ее за руку. Она очень переживала, пока отец, стоявший немного поодаль, говорил с лекаршей.

- Что с ней, Осбурга? – коротко спросил Хорса у невысокой пожилой женщины с собранными в пучок каштановыми волосами, которые местами осеребрились сединой.

- Милорд, госпожа потеряла сознание из-за сильного нервного потрясения. Скоро она придет в себя, так что не извольте беспокоиться. Ей некоторое время следует принимать успокаивающие отвары. Я сейчас же займусь ими, и в скором времени они будут готовы.

- Хорошо. Делай все необходимое. Можешь идти.

Лекарша поклонилась барону и удалилась из покоев.

Он натужно вздохнул, и приблизился к жене и дочери.

Хельга посмотрела на отца со слезами на глазах, сдерживая такое сильное желание высказать свое негодование и обиду за матушку, но смолчала, ибо ее воспитание не позволяло ей проявить неуважение к одному из родителей, что бы ни случилось.

Хорса с досадой глядел на бледное лицо своей супруги, закрытые веки её тревожно подрагивали. Он понимал, что причина ее ухудшающегося за последние годы здоровья – это он, его поступки, причинявшие Фриде страдания. Но он не собирался ничего менять, руководствуясь лишь собственными желаниями.

Барон уже многие годы не видел в супруге желанную женщину. Он всегда уважал и почитал её, как мать своих детей, но никогда не любил. Фрида никогда не высказывала ему претензий, будучи достойной женщиной, и его это вполне устраивало.

Хельга все же заговорила.

- Господин.

- Да, доченька? – обернулся к ней нахмурившийся лорд Хорса.

- Мы с матушкой собирались просить Вашего позволения навестить Осмунда, ведь невестка беременна. – Хельга с трудом произносила каждое слово ровным голосом, стараясь

не выдать его дрожи. Внутри нее все так и кричало, рвалось наружу стремление высказать все отцу, заступиться за матушку, но она не смела, вместо этого продолжая: - Матушка была очень рада этому известию. Вы позволите? Разумеется, когда она придёт в себя.

Хорса согласно кивнул.

- Конечно, позволю. Возможно, и я отправлюсь с вами.

- Как пожелаете, милорд. – Она произнесла это как-то неприязненно, как говорила бы с человеком, который нанес вред ее семье.

Он недовольно нахмурился, увидев во взгляде дочери осуждение и укор.

- Что это с тобой, Хельга?

- О чем Вы? Я просто переживаю за матушку, - ответила с уверенностью молодая женщина, немного вздернув подбородок.

Будучи неглупым, Хорса понимал, что сейчас чувствует Хельга, но не собирался опускаться до обсуждения своих поступков, тем более с дочерью. Никто в этой крепости не смеет ему указывать или оспаривать его решение!

- Чуть позже оповести меня о ее состоянии, - велел он. – А сейчас меня ждут дела.

Будучи задетым таким поведением дочери, сакс развернулся и покинул покои под ее поклон.

Санниву насильно привели и затолкали в незнакомое помещение, заперев двери снаружи. Это были небольшие покои.

Она отдышалась и едва коснулась пальцами рассеченной губы, которая болела и немного кровоточила.

На рассвете, когда до восхода солнца оставалось всего ничего, усталость все же смежила ей веки, и она уснула ненадолго тревожным сном. Ощувив, что к ней прикасаются руки ненавистного насильника, она резко открыла глаза и шарахнулась в сторону. Тогда Хорса перехватил ее за руку и попытался подмять под себя, но отчаявшаяся девушка стала сопротивляться, махать руками, и неумышленно ударила барона по щеке. Будучи разъяренным, он сильно ударил ее по лицу и все-таки снова взял силой, а потом позвал стражника и приказал увести ее и запереть в одной из комнат крепости.

И теперь тупая боль в челюсти мучила Санниву. Схватившись за нее руками, она сползла по стене и жалобно заскулила, плача. Ее грудь все еще вздымалась после истерики, волосы были взлохмачены. Она осторожно стерла кровь из разбитой губы, вытерла слезы с лица и огляделась в незнакомых покоях.

Стены из серого камня, в стене большой очаг. Настенные кованные канделябры, в которых были оплывшие свечи. Небольшая кровать, застланная винно-красным покрывалом, в тот же цвет подушки и шторы на нависающем над кроватью резном балдахине, собранные и, повязанным вокруг его деревянных резных опор декоративными шнурами с кисточками. Круглый дубовый стол, два резных стула. Относительно небольшое арочное окно с расшитыми занавесками такого же винно-красного оттенка дамаста, как и убранство ложа. Подле него стоит скамья и небольшой сундук у стены.

Она добрела до ложа и, повалившись на него, опять дала волю слезам.

Саннива не знала, сколько прошло времени, пока она вот так, то тихо всхлипывала, то надрывно рыдала. На ее теле все еще горели те участки, где до нее дотрагивался насильник, а в груди образовалась ноющая пустота, которая тяготила. Ей безмерно было жаль себя, она полностью погрузилась в эти страдания. До нее все доходило, словно через какую-то пелену, все вокруг казалось неясным и размытым. Были только она и мысль о том, что с ней сотворил барон. И это изводило ее, мучило, теребило душу. Девушка все время крутилась, переворачивалась с бока на бок, ибо ее телом завладела неприятная ломота, которая не давала ей спокойно

лежать. И, в конце концов, она завывала, а потом взревела от жгучего осознания этой жестокой истины и собственного бессилия.

Саннива села на ложе, а потом переместила ноги в его край и встала на пол. Она сделала шаг, однако ощутив, как кружиться голова, приостановилась. Потом еще один шаг, когда испытала небольшое облегчение.

Немного постояв, саксонка тревожно забегала по помещению, осматривая каждый угол, запертые двери, окно, которое было слишком высоко, чтобы вылезть в него. Она искала выход, но его нигде не было.

В отчаянье, Саннива подбежала к дверям и стала бить в них кулаками и кричать, взывая о помощи.

- Помогите! Спасите меня кто-нибудь! Выпустите меня отсюда! Выпустите, прошу! Пожалуйста! Изверги! Ненавижу! Выпустите меня!

Саннива повернула голову вбок – на столе стояла красивая глиняная ваза с росписью. Она ринулась туда, схватила вазу и запустила ее в дверь, отчего та с треском разбилась на осколки.

За дверью послышался щелчок отпираемого замка. Саннива в спешке успела только подобрать один из осколков и бросить его под ложе, до того, как двери открылись и вошли двое мужчин средних лет.

Их взору предстала девочка: в измятой тунике, с несчастным лицом, что было красным и опухшим от слез. Мужчины с жалостью переглянулись между собой, а после вновь посмотрели на нее.

Один из них, невысокий и худощавый, средних лет и приятной наружности заговорил с ней:

- Ну что ты, девочка, успокойся. Не накликай беду ни на кого.

Узнав в них тех самых слуг, что тащили ее в эти покои, Саннива еще больше озлобилась и стала кричать.

- Оставьте меня в покое, негодные псы! Я вас ненавижу, всех ненавижу! Вы такие же никчемные, как и ваш хозяин!

Решив, что эта истерика ни к чему хорошему не приведет, Вигго выдохнул, словно набираясь мужества, и направился к ней. Мужчина поймал и крепко схватил ее одной рукой, пытаясь сковать движения вырывающейся девчонки, а другой – зажал ей рот, приглушая крики, которые теперь звучали возмущенным мычанием.

- Отправляйся на кухню и принеси макового отвара! Живее! – сказал он своему товарищу, помня, что велел ему делать сенешаль, в случае если девушка начнет вести себя непредсказуемо.

Пока другой прислужник, Бруно, торопливым шагом вышел, Санниву уже с трудом удавалось удерживать. Она была сильнее, чем могла показаться на первый взгляд. Она махала руками и ногами, надеясь высвободиться, но Вигго не ослаблял хватки.

- Да уймись же ты, глупое дитя! Прощу, так будет лучше для тебя!

Сердце мужчины сжалось от сострадания к ней.

Бруно возвратился с чашей макового отвара в руках – и они, скрепя сердце, стали насильно вливать его ей в рот. Девушка упрямо отворачивалась, но им все же удалось напоить ее.

По прошествии пары минут она стала ослабевать и, в конце концов, всем телом обмякла, голова её бессильно опрокинулась назад. Облегченно выдохнув, Вигго бережно уложил юную саксонку на постель.

- Иди, и доложи обо всем управляющему, Бруно.

Хорса ужинал в своих покоях вместе с управляющим. Двух мужчин связывали кровные узы и многолетняя, крепкая дружба, поэтому такие вечера были не редкостью. Они обсуждали

дела крепости и манора или просто говорили на разные темы. Когда разговор стал переходить в более непринужденное русло, Канут заговорил о Санниве:

- Господин мой, просите мое любопытство, однако почему Вы решили оставить эту девушку в крепости? Слуги доложили мне, что у нее случилась истерика, и она весьма нелестно отзывалась о Вас. Достояна ли она теперь пребывания подле Вас?

Хорса отложил в сторону вилку и усмехнулся.

- Канут, ты – мой кузен, верный спутник и советчик. Но пристало ли тебе учить меня?

- Ну что Вы, разве я смею? Я обязан Вам всем, что имею, и сделаю все для Вашего спокойствия и благополучия.

- Вот и прекрасно. – Хорса удовлетворенно улыбнулся и откинулся на спинку стула. – Она нужна мне, и останется в крепости столько, сколько мне потребуется. А ты станешь ее оберегать, дабы она ничего больше не вытворяла. Позаботься о ней, обеспечь всем необходимым. Приставь двух служанок, которые постоянно будут находиться рядом с ней и не будут сводить с неё глаз ни днем, ни ночью. И ближе к ночи, я хочу снова видеть ее.

Сенешаль покладисто кивнул.

- Как Вам будет угодно. Но не знаю, возможно ли это сейчас. Дело в том, что в послеобеденное время она снова разбушевалась и слуги по моему приказу опоили девушку маковым отваром. Она весьма крепко спит.

- Что же, пусть так, - отозвался барон, выглядя недовольным, и решил сменить тему. – Ну а как твои дела? Есть ли девушка, которая тебе по душе? Тебе уже давно пора завести свою семью, – молвил он, сделав глоток вина из кубка. Потом взял кусок жареной свинины и поднес ко рту, откусив затем немного и от ломтя хлеба.

- Нет такой пока что, господин. Для меня счастье в том, чтобы быть рядом с Вами и служить Вам. Моя семья – это Вы.

Канут лгал. В его сердце уже давно томилось недозволенное чувство к прекрасной леди Хельге... Столько лет он смотрит на нее и тайно, мучительно вздыхает, ибо это все, на что он имеет право. Ибо леди Хельга – госпожа, дочь знатного вельможи, а он – всего лишь слуга, пусть их с господином и связывали узы родства. И леди Хельга приходилась Кануту племянницей... Не только разница в положении, но и родство препятствовало им. Ему никто никогда не отдаст ее в жены. Узнай об этом его господин, наверняка, им бы овладели гнев и презрение к его чувствам. Она, такая гордая, недоступная и непревзойденная навсегда останется для него запретной мечтой!

- Как хочешь, Канут. Но знай, что если будет такая, то ты получишь ее. Обещаю. Ибо меня тоже заботит твое благополучие.

Канут с признательностью посмотрел на Хорсу.

- Вы очень великодушны, милорд. Благодарю Вас.

- Благодарить станешь, когда обзаведешься женой и парочкой детишек, - ответил барон, усмехаясь и поглощая очередной кусок мяса. – А пока что, вели нести еще вина.

Саннива проспала до утра. Когда бесшумно пробудилась, то сразу же тихо застонала от болезненной вспышки в висках. Рядом зашуршал подол чьего-то платья. Саннива с трудом повернула тяжелую от боли голову и увидела двух молодых девушек в простой одежде, какую и она всегда носила. Они стояли в стороне от ложа и не могли ее видеть.

- Как думаешь, она скоро проснется? – спросила низкорослая светловолосая служанка.

- Не знаю, - отозвалась другая, высокого роста и с каштановыми волосами девушка. – Бедняжка. Вся крепость, наверное, слышала ее рыдания. Страшно представить, что с ней сделал господин, раз она так кричала.

- Молчи, Эбба, прошу тебя! Не приведи Господь, если это кто-то услышит. Мы не должны это обсуждать.

Сердце Саннивы болезненно сжалось от упоминания барона.

Она попыталась привстать на локтях: шорох привлек внимание служанок, которые тут же приблизились и стали помогать ей принять сидячее положение.

- Дайте воды, - изрекла она слабым хриплым голосом.

Темноволосая девушка быстро отозвалась на ее просьбу и, налив питья из кувшина в глиняный стакан, протянула его Санниве. Та дрожащей рукой приняла его и сделала три судорожных глотка, но после ее рука непроизвольно разжалась, и стакан упал на ложе, а уже оттуда скатился на пол, пролив свое содержимое на постель, ковер и подола платьев служанок.

- Ничего страшного, - снисходительно молвила служанка и, подобрав стакан, передала его подруге, стоявшей позади нее. – Я – Эбба, а это – Агна. Теперь мы всегда будем находиться подле тебя и во всем помогать тебе, - заговорила она мягким, осторожным тоном, пытаясь вызвать доверие Саннивы. – Агна, налей еще воды. Ты не хочешь поесть, Саннива? Здесь есть много еды. – Она указала рукой на стол, где стоял поднос с яствами: несколькими ломтями свежее испеченного хлеба, маслом, сыром, парой вареных яиц, молоко с утреннего доя и одним большим красным яблоком.

- Всегда... - прошептала Саннива, отрешенно глядя перед собой и будто не слыша слов рядом стоящей Эббы. Значит, ее здесь заперли не просто так. Она попала в рабство, в заточение. Ужасное осознание этого медленно вытесняло все иные мысли из ее головы.

Саннива учащенно надрывно задышала и, закрыв ладонями лицо, зарыдала от наполнявших ее душу боли и горечи. Эбба не растерялась и, сев рядом, обняла за плечи в порыве хоть как-то поддержать и успокоить.

- Ну не надо так убиваться, милая. Пожалуйста, прошу тебя. Ты переживешь это, хоть сейчас это кажется невозможным. Все мы находимся в руках Всевышнего, и его милость непременно коснется тебя.

Саннива порывисто прильнула к ней, как беззащитное дитя прижимается к матери, и девушка крепче обняла ее, стала гладить по голове.

- Ты не понимаешь. Он меня... насильно. Жизнь моя кончена! Я попала в руки к самому Дьяволу! Нет, этот человек хуже Дьявола!.. Что мне делать, скажите? Скажите, почему я живу? - Она плакала навзрыд, голос ее сильно дрожал, а речь была надрывной.

Эбба, некогда тоже побывавшая в покоях господина, ощутила глубокое сочувствие по отношению к этой девушке. И ее господин не пропустил, как и всякую хорошенькую девушку, став ее первым мужчиной. Эта рана по сию пору зияла у нее в душе, просто Эбба умело прятала ее под маской непосредственности и простоты. Никто не знал об этом.

Все случилось весенним днем около восьми лет назад. Тогда барон, опьяненный вином, вернулся в свои покои, а она как раз убиралась там. Она поспешила оставить его одного, но господин не дал, ухватив служанку за локоть. Ни говоря не слова, он толкнул ее на ложе и, навалившись сверху, бесцеремонно взял ее. Стиснув зубы, Эбба снесла это, не сопротивляясь и не крича. Будучи юной и наивной, она представляла себе первую близость с мужчиной как в сказке, но такой – неприятной и грубой. Это сильно ранило ее тогда, и с тех пор Эбба замкнулась и стала сторониться мужчин.

Она понимала Санниву. А глядя на ее разбитую губу и синяк на нижней челюсти, на слезы бедняжки, даже не хотела представлять, что ей пришлось пережить.

Саннива вдруг притихла, отпрянула от Эббы и посмотрела на нее своими покрасневшими глазами.

- Оставьте меня одну, пожалуйста. Я не хочу никого видеть.

Увидев на лице Эббы сомнение, Саннива постаралась говорить как можно убедительнее.

- Я не стану кричать, обещаю. Мне просто хочется побыть одной.

Служанка вздохнула.

- Ну, хорошо. Только недолго, ладно?

Саннива покладисто кивнула, пытаясь произвести впечатление того, что она успокоилась. Ей нужно было как-то выставить девушек за дверь, не вызывая подозрений. В мыслях же у нее таился ужасный замысел. Сказав, что ей не стоит так убиваться, Эбба, сама того не ведая, подтолкнула Санниву к этому решению. В памяти у девушки тут же всплыло воспоминание об осколке вазы, брошенном ею под ложе.

Оставшись одна, Саннива впервые заметила большой сундук, стоявший в углу комнаты. Она подошла и открыла его массивную крышку: там лежала одежда, мыло, гребень и другие повседневные принадлежности.

Вещи, слуги... Это окончательно удостоверило Санниву в том, что Хорса не имел намеренья отпускать ее. Она приглянулась ему, а это означало, что он непременно захочет видеть ее снова. Нет уж, она лучше умрет, чем снова окажется в его руках!

Саннива затрясла головой, стараясь прогнать всплывающие в памяти моменты с ним наедине. Пока не возникло колебаний, она подбежала к ложу, присела и засунула в пустоту под ним руку, пытаясь нащупать осколок. Быстро достав его, Саннива села на полу и стала вертеть его в руках, задумчиво разглядывая. Глаза ее загорелись недобрым огнем, она горько усмехнулась. Вот оно, ее спасение, выход из безвыходного и жалкого положения наложницы, игрушки в руках ненавистного подонка!

Она коснулась подушечкой указательного пальца острия осколка, словно пробуя. Замечательно. Оно станет хорошим орудием для совершения задуманного ею.

Двери покоев отворились – это вернулась Агна, убедиться, что пленница господина в порядке, иначе не сносить им головы. Прошло немногим более трети часа, а в покоях было подозрительно тихо.

Взору служанки предстала ужасающая картина, от которой она испуганно вскрикнула: Саннива лежала на полу без движения, с безвольно раскинутыми руками, где из ран на порезанных запястьях сочилась алая кровь.

Вигто вбежал в покои, встревожившись.

- Что случилось?!

Ошеломленная Агна попятилась назад, указывая дрожащей рукой на Санниву. Но Вигто уже и сам увидел, и замер на миг от потрясшей его неожиданности: девушка лежала неживая. Точнее, эта была его первая мысль. Слуга не растерялся и первым делом поторопился проверить у нее пульс, а сделав это, испытал несказанное облегчение – он был, но очень слабый.

- Бруно! Зови лекаря, быстрее!

Немедля ни секунды, мужчина переложил Санниву на ложе и оторвал два лоскутка ткани от первого, что ему попало – подола ее платья – чтобы туго перевязать ей руки выше ран, чтобы не допустить большей кровопотери. Он стал несильно бить Санниву по щекам, пытаясь привести в чувство, но она никак не реагировала.

Вигто огляделся назад, услышав, наконец, приближающиеся торопливые шаги своего товарища и лекаря.

Позже Хорса нервно расхаживал туда-сюда в коридоре у покоев Саннивы, прожигая негодующим взглядом четырех слуг, выстроившихся в один ряд перед ним. За его спиной с деловитым видом стоял Канут.

- Как вы могли это допустить? Бестолочи! Я же ясно велел не оставлять ее ни на минуту! А вы все что сделали? Чем вы думали? – гневно разглагольствовал барон.

В ответ лишь стояло напряженное и боязливое молчание слуг.

- Вы что все, языки проглотили?! – Раздраженно выдохнув, он шагнул к Агне и резко приподнял ее подбородок, встретившись с робким бегающим взглядом девушки. – Отвечай! - раздался его требовательный приказ.

- Г-господин, когда Саннива проснулась... то стала плакать. Мы с Эббой сумели немного успокоить ее и, тогда... она попросила ненадолго... оставить ее одну. Она была очень расстроена, и мы полагали, что так будет лучше, что она... немного успокоится. Потом я пришла и увидела ее такой... Простите нас, - дрожащий от волнения голос служанки сорвался на всхлип, и Хорса с раздражением отпустил ее подбородок. – Мы не хотели дурного, клянусь Вам...

- Успокойся! Закрой рот. Теперь ты, - Хорса подошел к Эббе, - где в это время находилась ты?

- Я отлучалась... по нужде, господин. – Эбба отвечала сдержанно, но внутри у нее бурлило волнение о том, каким будет решение барона относительно нее и ее друзей.

- Ну а вы, олухи, чем занимались? – с презрением обратился он к прислужникам.

Вигго несмело заговорил.

- Мы пребывали за дверью, милорд, ибо нам не дозволено пребывать в покоях... женщин Вашей семьи и близкого окружения. Я прибежал на крик Агны и попытался остановить кровотечение у Вашей любимицы, а Бруно поспешил за лекарем.

- Я доверил ее вам, - раздался громкий и злой голос барона, который даже поднял указательный палец, - но вы все наплевательски отнеслись к моему поручению! Пренебрегли моей волей! Отныне Вам не место среди моей челяди. Канут, каждого из них наказать плетьюми, а после пусть катятся к чертям из моей крепости! А сюда немедленно пришли другую прислугу.

Четверо слуг в растерянности смотрели на закрывшиеся за господином двери. Он только что вынес им одно из самых тяжких наказаний за провинность – изгнание. Это означало потерять все: кров над головой и возможность заработать своим трудом на хлеб. Куда же теперь идти?!

Канут нахмурился, внутренне будучи несогласным с таким решением барона. Оно было слишком жестоким. За жизнь девчонки, с которой он провел лишь одну ночь, он обрек на изгнание четырех людей, которые не один год служили господину и трудились на его благо. Они были простыми безобидными слугами, коим некуда было идти, и их судьба по-своему занимала его. Канут решил, что в тайне от Хорсы позаботиться о них.

На следующий день лекарша сразу же отошла от ложа, где лежала больная, и покорно склонила голову, когда вошел господин.

Бросив быстрый взгляд на бессознательную Санниву, Хорса повернулся к женщине.

- Ну как она?

- Господин мой, девушка в относительно нормальном состоянии, благодаря быстро оказанной Вашими людьми помощи. К тому же, порезы оказались неглубокими. Я смазала их мазью и перевязала. Думаю, что скоро она пойдет на поправку. Я буду тщательно следить за этим, милорд. И, если позволите, то есть необходимость мне остаться здесь до утра, чтобы понаблюдать за ней.

- Хорошо. Делай все, что сочтешь нужным.

Уходя, Хорса вторично оглянулся на Санниву, вдруг ощутив сожаление из-за ее состояния.

Неясно чем, но она все же влекла его. Как только она поправится, то снова войдет в его покои. Ей придется подчиниться ему, хочет она того или нет.

Барона все же мучили угрызения совести и из-за того, в каком состоянии пребывала его супруга Фрида. Когда он появился в покоях баронессы, то испытал облечение, ибо его супруга сидела на ложе, накрытая покрывалом, а служанка Тильда сидела рядом на деревянном табурете, держа в руках блюдо со свежим куриным бульоном и кормила им свою госпожу из ложки. Хельга тоже пребывала там, восседая на стуле у оконной ниши, где баронесса обычно любила вышивать, а лицо её выражало беспокойство и озабоченность.

Дочь поднялась с кресла, поклонилась ему и приблизилась.

Баронесса так же хотела встать с ложа, но он с сожалением поглядел на неё и возразил, сказав, чтобы она не вставала с постели и отдыхала.

- Лекарша уже была у матушки, сказала, что никакой угрозы здоровью нет, но нужно больше отдыхать, чтобы восстановить силы, - пояснила Хельга.

Его дочь была опечалена произошедшим, но и отчуждение он узрел в её глазах.

- Пэтси где? – спросил барон.

- Она в моих покоях, Джул уже укладывает её спать. Увидев, что матушка занемогла, Пэтси очень расстроилась, стала плакать, что я едва сумела успокоить её.

Хорса ничего не ответил, лишь тяжело вздохнул. Он понимал, что дочь пытается укорять его, но не стал ничего отвечать, хотя и испытывал раздражение по этому поводу. Все же, Хельга была права.

- Отец, давайте завтра утром потрапезничаем все вместе, поговорим? – голос дочери смягчился, ибо все же она любила своего отца и жаждала, чтобы её родителей соединяло как можно больше точек соприкосновения.

- Замечательная идея, я буду рад, - согласился Хорса. – Вели накрыть в садовой беседке.

- Как пожелаете.

- Доброй ночи вам, - молвил барон и покинул покои супруги.

Когда поутру леди Хельга, облаченная в платье яркого темно-зеленого бархата с вышивкой по плечью, обшлагам длинных расклешенных рукавов-колоколов и подолу, пришла в покои матери, то обрадовалась тому, что она действительно стала чувствовать себя лучше. Тильда помогла своей госпоже подняться с ложа, облачиться в тунику прямого кроя на саксонский манер тонкого темно-коричневого бархата теплого оттенка и уложить привычно волосы в низкий узел с прямым пробором у чела.

- Где же Пэтси? – спросила миледи у дочери, и та пояснила, что служанка сейчас одевает её и вскоре приведёт к ним.

- Первым делом я хотела увидеть Вас, матушка.

- Идем, Хельга, - молвила баронесса, - не будем заставлять господина ждать нас.

Выглядела женщина безрадостно, даже удрученно. Она ещё ощущала вялость и внутреннее напряжение, но старалась не показывать этого: выпрямила спину, расправила плечи и улыбнулась обеспокоенно глядевшей на неё дочери, правда, улыбка её была скорее вымученной, чем искренней.

Выйдя из покоев, мать и дочь прошествовали по коридору донжона (центральная башня) к лестнице, что вела в огромный главный зал Грейстоуна – общее помещение, где всегда за большим столом собирались все представители рода Хардфистов, проходили пышные пиршества по случаю радостных событий или праздников. Теперь же тут привычно сновало множество прислуги, выполняя каждый свою работу, ибо из главного зала вели все пути в разные части крепости.

Главный зал являл собой обширное помещение и занимал целый этаж. Он имел прямоугольную форму – стены были четко параллельны друг другу. В каждой из стен друг против друга были установлены внушительные очаги с вытяжками, красиво украшенные колоннами. Над головами расходились арочные своды, а напротив выхода располагалось огромное окно, разделенное на три части колоннами. Синие, красные, золотые и пурпурные стёкла, образующие круги, ромбы, многоугольники мерцали в лучах взошедшего летнего солнца. Длинный деревянный стол был установлен прямо в центре зала на возвышении, а по обе стороны от него столь же длинные деревянные лавки, накрытые светлым сукном; во главе же его стояли два резных дубовых стула с высокими спинками – для милорда и миледи.

Обычные саксонские простолудины, служившие в замке были одеты в опрятную одежду из добротного сукна, и приветствовали баронессу и леди Хельгу господина низкими почти-

тельными поклонами. Был здесь и сенешаль крепости – он раздавал распоряжения, а после отправиться на обход хозяйства, проверять положение дел и уже проделанную работу, возьмет на заметку ещё не законченные дела.

- Миледи, - поприветствовал он, в ответ на что удостоился коротких приветственных кивков от двух госпож. Он лишь на несколько мгновений задержал мечтательный взгляд на шествующей леди Хельге, а потом отвёл его, уже не увидев, как она скрылась вместе с баронессой под высокой аркой дверного проема из главного зала.

Покинув зал, леди Фрида и леди Хельга оказались в нижних коридорах крепости, откуда вышли на высокое крыльцо и спустились по ровным каменным ступеням во внутренний прямоугольный двор, мощный плитам, словно полы в соборе, что была невиданной роскошью, доступной лишь узкому кругу английской знати. Они пересекли внутренний двор и далее вышли на широкую тропу, какая вела сад: большой, ухоженный и буйствующий в это время разнообразием ярких красок распустившихся пахучих цветов и зелени!

Беседок в саду было несколько: одна, где теперь находилась госпожи – она располагалась неподалёку небольшой поляны с коротко скошенной травой, где всегда упражнялся барон с мечом, луком и стрелами или в метании ножей в мишень; и ещё две беседки вглубь сада: в яблочной роще, где всегда любили уединяться от мирской суеты и проводить время женщины из семьи барона и у высокой крепостной ограды из камня, но туда реже всего кто-то заглядывал.

Барона ещё не пришел. Две женщины прошли в беседку, где уже была накрыта трапеза, и присели на скамью, чтобы подождать его. На столике стоял казан с тушеным жарким из мяса фазана, блюда с гороховым пюре, вареными яйцами, салатом из капусты и зелени, заправленных свежей сметаной, свежее испечённым хлебом, пирогами с рыбой, паштетом из трески, сладкой овсянкой с медом, и два кувшина с элем и компотом из свежих вишен и слив, а также, четыре набора чистых столовых приборов из олова для трапезничающих и столько же оловянных стаканов.

Неподалеку послышался звонкий детский смех – это шел барон в камзоле из тонкого темного бархата, держа на свою внучку, облаченную в нежно-голубое платьице с белым кружевным воротом и рукавами. Они о чем-то говорили и смеялись, малышка игриво трогала его за нос. Их сопровождала служанка Хельги и нянька Пэтси, Джул.

Баронесса и леди Хельга встали и поклонились, приветствуя супруга и отца.

- Доброе утро, семья, - сказал Хорса. – Что же это вы с Пэтси потеряли? – спросил он шутливо он с улыбкой, садясь на скамью и усаживая внучку рядом с собой.

- Пэтси сегодня спала немного дольше обычного, и я не хотела её будить, - пояснила Хельга и жестом руки отослала свою служанку, стоявшую в стороне от беседки.

- Я встретила дедушку, когда шла к вам! – воскликнула девочка и мать тут же с неким недовольством посмотрела на неё.

- Сколько мне учить тебя, Патриция? Не «дедушка», а «господин»! – поучительно изрекла Хельга. - Простите, отец.

Хорса лишь усмехнулся, когда его внучка виновато опустила глаза.

- Ничего страшного, моя любимая девочка может называть меня, как пожелает, - поощрительно молвил он, а когда Пэтси подняла голову и нежно улыбнулась ему, то Хорса коротко поцеловал её в лоб.

Молчала только леди Фрида. Она была удручена, подавлена и старалась не смотреть на супруга. Ей все еще было больно... Разумеется, это заметили все, но говорить о произошедшем никто из них не хотел.

Все приступили к трапезе. Хорса сказал семье, что желает отправиться всем вместе на несколько дней в охотничий домик в фэнах отдохнуть и поохотиться. Пэтси сразу же в счаст-

ливом предвкушении запрыгала, сидя на скамейке, спросила, может ли она взять свою собачку Бусинку с собой, а когда получила одобрение, то стала радоваться ещё больше.

Хорса души не чаял в любимой внучке и теперь кормил её из ложки сладкой овсянкой, на что Хельга подметила, что отец излишне балует её дочь. Барон ответил, что иначе и быть не может, ведь он очень любит свою маленькую леди Патрицию.

- Я поручил подготовить охотничий домик к нашему приезду, и уже завтра мы сможем отправиться туда, - говорил барон.

Казалось, этот день начинался, как и другие. Хардфисты привычно завтракали в кругу семьи, но каждый сидящий за этим столом вёл свою внутреннюю борьбу с собственными пороками или страхами, за исключением маленькой и беззаботной, в силу своего возраста, Пэтси.

Вечером Тильда помогала баронессе готовиться ко сну. Миледи, уже облачённая в светлую ночную сорочку из легкой тонкой ткани, сидела на стуле с высокой спинкой, а служанка расчёсывала её темно-русые волосы, местами посеребренные сединой, деревянным гребнем с длинными зубчиками. Леди Фрида была пониклой и ни проронила ни слова.

Тильда понимала в чем причина в чём причина печали её госпожи, однако не стала лезть к ней в душу с расспросами. Она знала: если леди почувствует необходимость, то откроется ей сама.

Тильда закончила и отложила гребень на прикроватный столик у ложа баронессы. Она поклонилась, пожелала госпоже доброй ночи и сказала, что удалится, если миледи более ничего не желает.

- Тильда, останься, - попросила леди Фрида. – Присядь.

Женщина подчинилась и присела против госпожи, на скамью у стены.

- Я не могу подарить супругу ещё детей. После Хельги и Осмунда у нас родился наш мальчик Освальд... Ты помнишь, какой он был красивый? – Она обратила полные боли голубые глаза к служанке, и сердце той сжалось. - Но он умер на моих руках всего через месяц... Ты помнишь? Господин винит меня, я знаю. Он думает, что это из-за меня. Он не знает, как я страдаю, как я молюсь...

- Госпожа... Всевышний каждому дарует свою долю, и мы никак не в силах изменить то, что нам предначертано. Вы мать замечательных дочери и сына, у Вас подрастают такие чудесные внуки! Так найдите же утешение в них. Они успокоят Вашу мечущуюся душу и исцелят раны на сердце, моя госпожа.

Баронесса тяжело выдохнула и опустила взор.

- Ты можешь идти, Тильда.

Крепость Уорлинг.

Тишина в комнате была почти осязаемой. Занавеси колыхались от сквозняка, в окне стояла холодная, бледная заря. Она стояла у камина, выпрямившись, будто выточенная из мрамора, с чашкой травяного чая в руках. Светлые волосы убраны в строгий узел, серые глаза — прозрачные, как лёд над глубокими водами — следили за служанкой, стоявшей у двери.

— Значит, у господина появилось увлечение, — сказала она ровно, без дрожи.

- Так и есть, моя госпожа. Девица оказалась дурного нрава, её не добрые возгласы о бароне слышал весь Грейстоун. Её заперли в небольших покоях, а она запястья себе порезала. Не ведомо, будет жить или нет. Поговаривают, что господин... простите меня, даже навещал её пару раз.

Леди Ровена повернулась к служанке и чуть склонила голову, как будто разглядывала что-то далёкое.

- У Вас есть повеления, госпожа?

Она сделала шаг, глядя на свою служанку. Ни гнева, ни боли — только та самая страшная пустота, в которой рождается не крик, а приговор.

- Нет. Мы будем наблюдать. Даст Всевышний, эта нечестивица сама умрёт. Если же нет, тогда я решу, что с ней делать. Быть может, господин держит её из-за того, что она больна. Однако, если она останется при нём, как та, что минувшей весной... Я отберу её жалкую жизнь.

Она поставила чашку на стол, и в её глазах впервые мелькнуло пламя. Не ярость — воля.

— Он — моя любовь. Моя единственная. Я не ищу понимания, не жду прощения. Я — та, кто будет стоять на пепле мира, если понадобится. Ради него. И я никому не отдам его. Я уничтожу каждого, кто решит, что может взять у меня то, что я выбрала сердцем.

Эта не двинулась.

Лишь поняла: сегодня она не убьёт. Но завтра — может. Если потребуется.

И в этом была вся она — та, чья любовь сильнее страха и опаснее войны.

Поздним утром жаркого июльского дня барон и его семейство прибыли в охотничий домик в фэнах. И если грандиозный Грейстоун-Кастл возвышался на небольшом пологом холме, окруженный большим селением, то путь в охотничий домик пролегал через заболоченные пустоши фэнов по старым тропам и гатям, но были там и хорошие дороги, дамбы, за состоянием коих неизменно следили рабочие.

Фэны являли собой обширные заливные луга, множество рек, ручейков, прудов, заросших высокими зарослями камыша, тростника и осоки, и всегда наполненных оживлёнными звуками их обитателей, а обитателей на болотах было немало: выдры, лягушки, ужи, и множество диких птиц — цапли, утки, камышницы, выпи, куропатки, фазаны, плавали долгошеие изящные лебеди, а кроме птиц тут бегало и множество прятких зайцев. В это время года заливные луга и заводи всегда были переполнены плавающими кувшинками на сердцевидно-округлых и сердцевидно-овальных листьях самых разных оттенков: насыщенно-белые, бледно и ярко-жёлтые, нежно-лиловые или яркие розовые, и реже даже попадались ярко-красные цветы, над которыми летали пестрые стрекозы. Повсюду росли и иные растения, к примеру, лекарственные, такие как мята, дудник, кровохлёбка, белокрыльник. Были там и деревья ольхи, и плакучие ивы на плавающих островах, плескающие свои ветви в зеркалах вод. Различные по площади плавающие острова, где располагались буйствующие белым цветом яблоневые рощи или селения крестьян с домиками, высющимися на сваях. В тёплое время года в этом влажном и солнечном краю росла сочная зелёная трава, и крестьяне выпасали на заливных лугах разводимый ими скот, чаще всего это были овцы; а в заводях водилось столько угрей и рыбы, что рыбаки, плавающие целыми днями на узких плоскодонках вытаскивали оттуда полные сети, а потом продавали свой улов на местных рынках.

Вереница путников выехала на высокую внушительную насыпь, вымощенная крепкой гатью, — это была старинная дорога через фэнленд, какую мостили ещё римляне, а отходившие от неё многочисленные гати позволяли спокойно перемещаться среди фэнленда, ездить от манора к манору, и вполне свободно охотиться. Они свернули по одной из этих троп, шедшей вдоль берега канала — и стали приближаться к зарослям разветвистых плакучих ив. Их длинные ветви ниспадали до самой воды, и по мере приближения, деревьев становилось всё больше — это указывало на более сухую местность, а неподалёку находилась роща деревьев, пересекаемые ручьями и перемежающиеся с открытыми полянами.

Одна из этих рощ скрывала небольшое, но глубокое озеро, куда впадал тот самый канал. Именно посреди этого озера, будто окруженный полноводным рвом, высился остров, куда можно попасть лишь по земляной насыпи, где они сейчас перемещались. И там, отражаясь в водной глади озера, виднелся уютный, оплетенный зеленью дом с тростниковой кровлей.

Всадники спешили, когда раздался собачий лай и выскочили три большие лохматые собаки, которых удовлетворённый барон стал звать и поочередно дружелюбно трепать по холкам.

Его люди сразу же занялись делами: кто-то взял лошадей за поводья и повели их за собой к озеру, чтобы напоить; кто-то стал разбирать поклажу на повозке, ехавшей за вереницей людей; сокольничий бережно достал оттуда две клетки с соколами господина и леди Хельги, а оруженосец стал готовить луки и стрелы к охоте.

Из носилок, перевозимых двумя мулами: одним спереди, а другим – позади, выступили сначала три служанки – баронессы, её дочери и ещё одна девушка, прибывшая для того, чтобы дополнительно прислуживать барону и женщинам его семьи, а именно заниматься их трапезой и одеяниями. Тильда помогла леди Фриде ступить на землю, а Джул поддержала маленькую леди Патрицию, после чего показалась и леди Хельга. Она стала довольно озираться, ибо очень любила охоту, однако, когда её взгляд упал на удручённую мать, то и сама Хельга помрачнела лицом.

Тут из зарослей появился крепкий мужчина с залысинами на голове. Он хромал на одну ногу, а шрам пересекал его некогда чудом уцелевший правый глаз. Это был Торкель – старый солдат, служивший ещё отцу Хорсы, барону Освальду. Он жил в хижине на другой стороне острова вместе с собаками, охраняя охотничий домик барона.

Тильда велела одному из воинов принести в дом поклажу госпожей, и последовала в охотничий домик за баронессой, леди Хельгой, леди Патрицией и её нянькой Джул.

Прихожая комната была небольшой. Там стояли стол, на котором стояли два оловянных канделябра, в каждом из которых по три свечи, скамья и три табурета, покрытые светлой тканью, у стены большой резной сундук из дерева. Два маленьких окошка с закрытыми ставнями, которые служанка баронессы поспешила распахнуть, впуская в комнатушку играющие лучи солнечного света.

После подоспела и третья служанка, стала услужливо расставлять на столе тарелки и яства, привезённые из Грейстоуна: кувшин со свежим козьим молоком, кусок желтого козьего сыра, ячменные лепешки и вареные яйца.

Внутри охотничьего домика было две комнаты – в каждую из них можно было попасть через дверь в прихожей. Баронесса, её дочь и внучка уже привычно устроились во второй из них – ложе там было широким и места хватало всем. Обстановка была роскошной: чисто выскобленные бревенчатые стены без следов копоти, овчины на полу, посередине – очаг с вытяжкой; в стороне широкое ложе, застланное ярким узорчатым жёлтым покрывалом, а рядом с ним – крытый ярким жёлтым сукном столик. И два таких же маленьких окошка, как в прихожей комнате, с закрытыми резными ставнями, какие служанка Джул отварила, после чего в комнате сразу же стало светлее.

Хельгу огорчало то, что её матушка, будучи ещё молодой женщиной – баронессе шел сороковой год – уже лишена внимания супруга и отлучена от него, ибо она считала, что в таком возрасте жене должно спать с мужем, однако она всегда оставляла при себе эти мысли, помня трудную историю супружеской жизни её родителей.

После того, как вся семья перекусила за общим столом, баронесса с внучкой привычно остались на острове, а барон и его дочь ускакали в фэны охотиться. Господин, леди Хельга и восемь их спутников были облачены примерно одинаково: льняные туники, подпоясанные поясами из кожи, узкие штаны плотной ткани, кожаные наголенники и закрытые кожаные башмаки. За спиной у всех были луки и колчаны со стрелами, а за кожаными поясами – небольшие кинжалы в ножнах.

Когда они оказались достаточно далеко в фэнах, то недалеко послышалось кряканье уток и потрескивающий шум в зарослях камыша. Барон подал рукой знак своим спутникам, чтобы они замедлили ход своих лошадей и стали выжидать добычу, а сам тем временем снял через

голову лук, достал из колчана стрелу и, натянув тетиву, стал ждать. Хельга вторила ему, а когда камыш зашевелился чаще, и оттуда вылетели с десятков громко кричающих уток, то они на пару выпустили свои стрелы, с точностью поразив свои цели!

Они пропадали в фэнах до самого вечера. Сразу охотились лишь барон и Хельга, в угоду своим развлечениям, а сопровождающие их воины собирали добычу в мешки, привязанные к седлам их лошадей, после же – в охоту включились все десятеро, ибо охота была не только увлечением и способом отдыха, но и способом пропитания, путём поражения добычи. К завершению охоты численность их добычи составляла четыре зайца, одиннадцать диких уток и восемь куропаток.

По возвращению воины господина развели большой костёр в кругу из камней, стали жарить на вертелах тушки птиц. Они и барон сели вокруг костра, громко разговаривали и смеялись, а леди Фрида, леди Хельга и леди Патриция устроились отведать свежеприготовленного мяса в прихожей охотничьего домика.

- Сколько ты поймала птиц, мамочка? – допытывалась любопытная Пэтси у матери.

Хельга рассказала ей, что всего таких уток было четыре и легонько щёлкнув дочь по носу, сказала, что одну из этих птиц она ест прямо сейчас.

- Мы с Джул гуляли по мостику, пока вас с дедушкой не было, - рассказывала маленькая девочка. – Я звала бабушку с собой, но она осталась в домике.

Баронесса без должного аппетита ковыряла ложкой в тарелке с ячменной кашей, выглядя слабой и осунувшейся. Она съела лишь немного мяса куропатки, ибо из всей добычи оно было самым нежирным, а из-за болезни желудка лекари рекомендовали ей ограничить потребление жареного.

Сейчас, когда леди Фрида приняла немного пищи, боли в желудке стихли, ибо чаще всегда они возникали натошак или через некоторое время после трапезы, да и лечебный травяной отвар, снимающий боль, приготовленный Тильдой, она так же приняла незадолго до еды.

Да ещё и весь день неясные приливы жара в теле мучили женщину.

- Пэтси, - молвила леди Фрида так, точно не желала, чтобы дочь об этом узнала, но маленькая внучка уже всё разболтала, и баронесса лишь тяжело вздохнула. – Хельга, я устала и пойду спать. - Она поднялась из-за стола и удалилась в комнату, не желая никого видеть.

Заперев за собой дверь, женщина прижалась к ней спиной и скорчилась в истязающей душу муке. Отчего жизнь так жестока с ней? Отчего она любила своего супруга, а в ответ не заслуживает и толику его мужской ласки? Она ведь ещё находится в том возрасте, когда женщина может предаваться любви с супругом, но господин вот уже более десяти лет не прикасался к ней... Минули годы, и супруг всё более отдалялся от неё. Он стал чужим, жестоким в своём безразличии, выстроив между ними стену непонимания, при этом всегда общаясь с ней чинно, но отстраненно и снисходительно, будто заглаживая вину.

В дверь тихо дважды постучали.

- Матушка, все ли у Вас в порядке? – это был обеспокоенный голос дочери.

- Да, Хельга, - поспешно вытирая мокрые от слёз глаза, ответила баронесса.

- Можно войти?

Леди Фрида впустила дочь, которая смотрела на неё уже с привычным беспокойством.

- Как Вы себя чувствуете?

- Дурно мне, Хельга. Резко жарко становится, голова болит, сердце стучит быстрее – и так весь день, не пойму.

- Вы не забыли принять лекарства?

- Нет, не тревожься, милая. Твоя служанка напомнила мне. Я очень устала, лягу спать, наверное, - рассеянно сказала баронесса, приложив ладонь к пылающему лицу.

- Да, матушка. Я сейчас Пэтси у господина заберу, и мы тоже придем. Скажу, что завтра же поедем обратно в Грейстоун и пусть врачевательница осмотрит Вас.

Глава 2. Смириться с судьбой.

Конец июля 1145 г.

Баронесса с дочерью и внучкой вернулись в Грейстоун-Кастл следующим днём, как на том и настояла леди Хельга. Она немедленно велела Тильде послать за врачевательницей, и скоро та явилась. Осмотрев госпожу, лекарша уточнила:

- Как давно у Вас была кровь, госпожа?

Леди Фрида нахмурилась, задумавшись.

- Пожалуй, давно.

- И реже, чем полагается?

Баронесса не ответила, кивнув головой.

- Если так, то эти признаки ещё некоторое время будут беспокоить Вас, госпожа.

- Что со мной? – устало спросила баронесса.

- Вы угасаете, как женщина, госпожа. Я приготовлю для Вас травяные отвары, которые помогут облегчить Ваше состояние, по-другому помочь я не в силах. Все минует само по себе в положенное время.

Баронесса так и сидела на ложе, выглядя крайне подавленной и сокрушённой, пока завершившая осмотр лекарша складывала свои принадлежности в сундучок.

- Поправляйтесь, госпожа, - поклонилась она и отошла.

Тильда подхватила женщину под локоть, приостанавливая и предупредила:

- Осбурга, никто не должен знать причины такого состояния госпожи.

Пожилая женщина понимающе кивнула.

- Можете не волноваться. От меня никто не услышит и слова.

Служанка вернулась к баронессе.

- Госпожа, ах как сильно Вы нас напугали, беру Небо в свидетели!

- Выходит, что это всё, - растерянно заключила леди Фрида, чувствуя, как слова лекарши больно саднят ей душу. - А в сущности, чего я ожидала? И все эти настои, целебные травы не всеильны.

- Не расстраивайтесь, госпожа, - утешала её Тильда, - у Вас, слава Господу, такие прекрасные дети! Главное у Вас есть, стоит ли так переживать?

- Как пугающе быстро пролетело время... Кажется, только вчера появились на свет дорогие мой Хельга и Осмунд, детки мои... а потом Освальд, которого я своими руками отдала в руки смерти. – Женщина всхлипнула и заплакала.

Саннива очнулась и ощутила несказанно горькое разочарование от того, что не смогла умереть. Сколько времени прошло с тех пор, как она пыталась убить себя, ей было неясно. Теперь ее окружали другие лица. Она не задалась вопросом, почему. Новых служанок тоже было двое: они неотлучно находились рядом с ней, были исполнительны и внимательны, однако почти не разговаривали с ней. Из их разговоров между собой, Саннива поняла, что зовут их Линн и Элва. Они расчесывали косы, умывали, смазывали лечебной мазью заживающие раны на запястьях и делали перевязки и кормили из ложки, ибо сама была не в состоянии ничего делать. Правда, ела она очень скудно. Тогда ей давали пить теплый бульон или поссет (горячий напиток из молока, сахара и специй с добавлением вина), и лишь после него она засыпала под действием добавленного туда хмельного вина.

Призрачным спасением становился сон, ибо только закрывая глаза, она могла забыться. Да и спала она чутко и тревожно, иногда просыпаясь посреди ночи с мокрым от слез лицом и задыхаясь от мучившей ее боли.

Пробуждение заставляло возвращаться к образовавшемуся внутри тяжкому, давящему пониманию того, что вся её простая жизнь разрушена, растоптана, уничтожена. Собственное

тело казалось ей вместилищем скверны... Санниву мучил навязчивый страх вновь быть поруганной.

Она впала в безнадежное уныние. Дни, казавшиеся бесконечно долгими, она проводила заперти в этой комнате, не молвя ни единого слова. Она почти всё время сидела на ложе, прижимая согнутые ноги и опустив на колени подбородок, или же лежала недвижимо, изредка переворачивалась на другой бок. Взор её зеленых глаз то отрешённо, безжизненно застывал, то равнодушно, рассеянно блуждал. Она ощущала бесконечную усталость, будто сделалась телесно немощной.

Когда служанки раздвигали занавески на окне и солнечный свет падал на неё, они видели, что с каждым днём девушка все больше угасает. Кровь отлила от щек, они сделались бледными, а светло-зелёные глаза казались особенно яркими в темных полукружьях глазниц. Осунувшаяся и сломленная, сейчас она напоминала лишь призрачное видение.

Служанки усадили её на ложе. Одна держала поднос с трапезой, а другая поднесла ей ко рту ложку, но Саннива молча отвернулась. Кубок с поссетом сегодня она тоже молча отвергла.

- Открой рот, тебе надо поесть, - сказала Линн, но девушка упрямо молчала. – Не станешь есть, то так и сгинешь тут. У тебя сил не останется, погляди-ка, Элва, какая она страшная и костлявая сделалась за какие-то две недели.

- Сколько дней минуло? – вполслуха спросила Саннива, глядя на служанок будто начавшими проясняться глазами.

- Ой, наша госпожа заговорить изволила, - ехидно фыркнула Линн.

- Две недели, - ответила Элва, - державшая в руках поднос.

- Ну-ка, открывай рот! – настойчиво ткнула ложкой Линн в лицо Санниве, но девушка лишь отвернулась и хотела забраться обратно в тень балдахина, служившего ей неким укрытием, но крепкая рука служанки перехватила её за локоть. – Повязки сменим, и лежи дальше, сколько вздумается. Неси воду и мази, Элва.

Она молча повиновалась. Линн размотала вчерашние повязки на руках Саннивы. Смочила и выжала чистый клочок полотна в плошке с теплой водой, и стала предельно аккуратно вытирать запекшиеся кровоподтеки вокруг ран на запястьях девушки, которые уже затягивались, но еще иногда необильно кровили.

Саннива поморщилась и отвернулась, не в силах на это смотреть.

Служанка отложила смятую ткань обратно на поднос, где стояла плошка, и взяла оттуда в руки небольшой сосуд, с травяной мазью, которой ежедневно смазывала раны Саннивы, а затем перевязывала чистыми повязками.

Слабо скрипнула дверь – это опять пришел он. Внутри у Саннивы всё испуганно сжалось. Она выдернула свою руку из рук Линн, и спешно забралась на ложе, прижавшись спиной к изголовью и спрятав лицо в согнутых коленях. Как же сильно она ненавидела его!

К слову, за минувшее время барон дважды приходил справиться о том, как она, и ей удавалось притвориться спящей. Или сам он предпочитал пока что не прикасаться к ней – она этого не знала.

Слушая, как Линн услужливо засуетилась перед господином, стала сетовать на то, что уже третий день Саннива не желает вовсе принимать пищу, отвергая даже бульон и поссет, хотя до этого ела очень скудно. И врачевательница Осбурга, конечно же, осведомлена об этом. И мудро советовала, если подобное будет продолжаться, кормить девушку насильно.

- Делайте, - твёрдо прозвучал его бархатный низкий голос. – Если будет упираться, то свяжите её.

- Я буду есть, - вдруг отозвалась его юная пленница из-под тени балдахина.

Мягко зашуршали простыни на ложе – это ноги Саннивы уже коснулись пола, и она предстала перед ним. Она стала настолько слабой, что пошатнулась и упала бы, не поддержи её Элва, но затем сумела сама устоять на босых ногах.

Барон Хорса наблюдал за ней молча и угрюмо, стоя чуть поодаль.

- Дайте мне питье, и пусть господин будет доволен.

Руки её приняли протянутый служанкой кубок с посетом, и она начала медленно подносить его к губам, но внезапно резко плеснула напиток барону в лицо.

- Нидеринг⁵, - презрительно процедила сквозь зубы саксонка.

Служанки одновременно вздрогнули всем телом от подобного, Линн даже ахнула.

Барон медленно вытер лицо рукой и встретился взглядом с Саннивой, чьи глаза полыхали бессильной яростью.

Барон ринулся к ней и уже через миг его пальцы с удушающей силой сжали шею девушки. Болотно-карие глаза вспыхнули злостью и неистовым бешенством. Она беспомощно вцепилась пальцами в его крепкую руку, пытаясь разжать её, но тщетно, и задыхаясь.

- Маленькая дрянь, - прорычал он, сильнее сдавливая её шею, но... что-то остановило его, и он отпустил.

Грубо отбросил Санниву на ложе и покинул покои, с грохотом хлопнув дверью, пока она растирала горевшую на шее кожу и жадно хватала воздух.

- Как ты посмела это сделать? – заголосила Линн, когда они с Элвой подошли к ложу. – Виго, Бруно, Эбба и Агна уже пострадали из-за тебя, ты хочешь, чтобы пришел и наш черёд?

- То есть как пострадали? – недоуменно, глухим изрекла Саннива.

- Когда ты порезала себе запястья, господин прогнал их из крепости в селение. Они влачат там жалкое существование, обхаживая скот крестьянам! Все смеются над ними.

Саннива потрясенно молчала, чувствуя свою вину за произошедшее.

- Ты этого не ожидала? – неприязненно воскликнула Линн.

- Ты не хочешь поесть? – подала голос Элва, и Линн обернулась на неё, недовольно зыркнув очами.

И Саннива неохотно кивнула.

Минуло два дня. Саннива вновь сникла, снедаемая мыслями о том, что из-за неё пострадали невинные люди. Такие же, как и она сама, из простого люда. Воистину, господам никогда не было дела до их доли, сколько бы отменно они не служили.

Она была не в силах помочь себе, и желала помочь хотя бы им, но не знала, как. Слова Линн будто отрезвили её, заставили начать мыслить здраво. Голос совести лишил девушку покоя, вырвал из пучины собственных страданий.

Саннива отчаянно думала, что же она может сделать, но каждый раз приходила к выводу, что она не может ничего. Она бессильна! Она сама заложница сего жесткого и низменного человека, и должна подчиняться его воли столько, сколько он того пожелает.

- Поднимайся, тебе пора мыться, - послышался голос Линн. - Господин ожидает тебя. Нужно подготовиться.

Саннива перевела взор на нее, полный мучительного осознания того, что это придётся пережить снова. Она не сдвинулась с места.

- Вставай, если не хочешь, чтобы я попросила стражников тебе помочь!

Она забралась в лохань с горячей водой, где покорно сидела, пока служанки омывали ее. После купания ее кожа засияла чистотой от мыла из смеси козьего жира и золы, а вымытые с яичным желтком волосы ополоснули отваром из крапивы и ромашки, чтобы укрепить и предать им блеска, после чего они засияли, стали непривычно пушистыми и мягкими. До этого она всегда мылась только по мере необходимости, чтобы от нее не исходил дурной запах: летом раз в неделю-две, а зимой – хотя бы раз в месяц.

Линн дала ей чистящую смесь для зубов из мела и мяты, после чего Саннива ополоснула рот водой, по велению служанки надела чистую одежду.

⁵ Нидеринг – самое сильное оскорбление у саксов. Низкий человек, хуже разбойника и вора

На подкашивающихся ногах девушка медленно, тщетно надеясь оттянуть нежелательное событие, направилась к выходу под прожигающим ее спину взглядом служанки. Линн даже грубо подтолкнула ее в спину.

Понимая, что противиться бессмысленно, Саннива поддалась. Пока она шла, сердце бешено колотилось.

- Девушка для господина, - сообщила Линн стражнику у двери. Тот коротко кивнул и скрылся за дверью, а после вернулся с дозволением войти.

Встрепенувшись, Саннива вошла туда, куда отчаянно не желала больше попадать.

Хорса самодовольно чуть усмехнулся и с ног до головы осмотрел девчонку, которая робко кланялась ему. Ссутулившаяся и опустившая в пол взгляд, она нервно теребила дрожащие пальцы.

Нахмурившись, он приблизился к ней и небрежным касанием к подбородку девушки приподнял её лицо, вынуждая посмотреть ему в глаза.

Боясь его жестокости, какая могла ждать её в случае неповиновения, Саннива перевела на него затравленный взгляд светлых зеленых глаз.

Барон выпрямился, чувствуя, как внутри него что-то сломалось.

Сначала он видел в ней лишь очередную пешку в своей игре, средство для достижения плотского удовольствия. И вот, однажды, он поймал себя на том, что думает о ней. Не о том, как ее использовать, а о ней самой.

Он почувствовал страх. Страх перед этой новой, незнакомой эмоцией, которая угрожала разрушить все, что он так тщательно выстраивал. Он боролся с ней, пытался подавить, вернуть себя к привычному состоянию безразличия. Но чем сильнее он сопротивлялся, тем сильнее становилось это чувство.

Хорса смотрел на нее и видел не слабость, а силу. Силу, которой ему самому не хватало. Он почувствовал себя уязвимым. И это пугало его до глубины души.

Стремясь вернуть контроль над собой и скрыть собственное смятение, он подтолкнул Санниву к ложу.

- Раздевайся, – раздался его повелевающий низкий голос.

Чувствуя подступающие слезы, она стала к нему спиной и трясущимися руками оголила плечо, потом второе, приспустила платье до пояса, и оно само свободно соскользнуло на землю.

От грубого толчка в спину, Саннива упала на мягкую перину, просевшую под весом её тела, на живот. Хорса навалился сверху и притиснув бедра девушки к своим чреслам, овладел ею сзади.

Слезы потекли по лицу по щекам, она чувствовала их соленый привкус на своих губах. Саннива чувствовала в себе его большое достоинство, как он ревностно двигается, как прижимает её к себе сильными руками, как внутри внизу живота всё запылало от болезненных ощущений.

Да, именно так должно обращаться с теми, кто обязан по своему низкому происхождению служить! У крепостных не бывает чувств. И она подчиниться ему! Сейчас, сегодня, всегда! Беспрекословно и безропотно. Ибо такова его воля, таково его желание, которое лишь она сумеет утолить!

Однако слезы девицы перемежались с дрожью и всхлипами, она не умолкала, вскрикивая и надрывно плача в его руках.

Соитие больше не доставляло ему желанного удовольствия. Невыносимыми стали эти слезы, этот слабый голос! Но он не станет отпускать её. По крайней мере, пока не окончит.

Он – господин, она – всего лишь его крепостная, чьи чувства не имеют для него ни малейшего значения.

Разъяренно взревев, барон оттолкнул от себя Санниву. Она бессильно обмякла, уткнувшись лицом в постель.

- Убирайся отсюда, живо! – заорал он оглушительно.

Саннива стараясь взять себя в руки, поднялась и соскользнула с ложа.

Отыскав свое платье, она стала быстро одеваться, пока господин садился в кресло и наливал себе в кубок вино из кувшина, стоявшего на столе.

Влезть в тунику у девушки получилось не сразу, ибо руки у нее дрожали, а все перед глазами первые секунды плыло из-за застилающей зрачки пелены еще невысохших слез. Справившись, она бегом, точно к своему спасению, бросилась к дверям, и только когда они закрылись, Хорса отставил кубок, из которого испил несколько глотков, и угрюмо посмотрел на дверь.

Ему претило содеянное им же, но темная сторона его души упрямо не хотела этого признавать. По правде говоря, такое было с ним впервые. Он всегда брал тех девушек, которых хотел, в его покоях их побывало немало. Но ни одна из них за много лет не затронула его души, не вызвала ни малейшего ее проявления. Он просто удовлетворял свои мужские потребности, принимая это как должное, и никогда, ни одна из них не стала ему противиться, все как одна были покорны и молчаливы. И не задерживались у него более одной или нескольких ночей.

Некоторые пытались соблазнить, видимо рассчитывая понравиться и задержаться в его покоях подольше, чтобы в дальнейшем понести, родить ребенка и, возможно, сделаться датской женой. Хорса знал, что многие женщины в его крепости об этом мечтали, ведь это стало бы дорогой в лучшую жизнь. Однако он всегда предусмотрительно велел Кануту давать им отвар, предотвращающий зачатие, прежде, чем они приходили в его покои.

И он, ведя на протяжении многих лет такой образ жизни, не думал, что одна из его любовниц окажется не похожей на всех, станет ему противиться. Господину, которому подчинялись в Грейстоуне абсолютно все! Коим он привык быть! Конечно, это разозлило его, и он применил силу.

И так неожиданно в глубине его души что-то шевельнулось, что-то в этой девчонке затронуло его давно ожесточившееся сердце, и поэтому ее страдания стали ему невыносимы. Знала бы эта Саннива, сколько раз он приходил к дверям её комнаты, когда она порезала себе запястья, но так и уходил ни с чем, чаще всего от чего-то просто не решаясь туда войти.

Находясь в гордом одиночестве, до глубокой ночи он снова упивался вином. В такие моменты его душу снедали тупая боль и гнетущая тоска, которые он тщетно вот уже многие годы пытался заглушить пьянящим напитком. Он вспоминал. Вспоминал всех, кого любил и всех, кого потерял.

Матушка. Его дражайшая матушка Милдред, лица которой он даже не помнил. Ему так не хватало ее всю жизнь. Он бы отдал свою нынешнюю жизнь, свое положение не раздумывая, лишь бы только она была жива!

Его сестра-близнец, Эльсвита, последовавшая сразу же за матушкой в лучший мир, без которой он всю жизнь прожил, словно без своей половинки. Какой бы она была, если бы выжила тогда? Как бы сложились их отношения?

Они, две самые близкие души на этой свете, оставили его одного ещё с самого рождения.

Снэфрид. Единственная женщина, которую он любил до безумия, и которая так же люто ненавидела его. Он так и не смог получить ее полностью, хотя когда-то это было его главной целью. Она его самая большая боль, воспоминания о которой и сейчас не дают покоя, ведь он потерял ее по собственной вине.

Айвор. Наставник и дядя, фактически заменивший ему отца и всю жизнь положивший во имя его благополучия. Хорса всегда высоко ценил его. Когда его не стало, Хорса долгое время испытывал сильное огорчение и боль утраты. Причиной смерти стала лихорадка, за непродолжительный срок подкосившая доселе крепкого здоровьем человека. Тогда Хорса вызывал вынуждал лекарей всевозможными способами лечить названного отца, призывал самых лучших даже из Нориджа, но ничего не помогло, ибо Айвор был уже не так молод. Он покинул этот мир усмешкой на устах и словами, что ни о чем не жалеет и всю жизнь жил только ради Хорсы.

Покойный отец, барон Освальд и брат Этельстан, чувство вины за смерть которого преследуют его всю жизнь. Ибо перед своей кончиной Айвор открыл Хорсе страшную правду: уход из жизни Этельстана было делом его рук во имя благополучия племянника, и он не жалел об этом, ибо только так Хорса мог получить наследство, титул и земли, положенные ему по праву! Долгие годы голос совести в его голове не давал ему забыть об этом, хотя Хорса и твердил сам себе, что в этом нет его вины, он даже не знал об это! Но эта ноша была слишком тяжела...

Его второй сын Освальд, которого родила ему Фрида, прожил совсем короткую жизнь, и погиб по трагической случайности, в которой его мать и повинна.

А что есть у него сейчас? Семья, которой он не смог дать в полной мере того, чего они заслуживают.

Супруга, столь же преданно любящая его, как и много лет назад, заслуживала лучшего обращения, однако Хорса всегда предпочитал ее чувствам собственное «Я», просто игнорируя ее.

Так было не всегда. Помнится, он не единожды пытался полюбить ее. После бракосочетания и переезда в крепость Уорлинг, он был нежен и обходителен с ней, проводил ночи в ее объятиях, пытаясь забыть Снэфрид, однако ничего не вышло. После кончины Снэфрид вновь была попытка сблизиться с женой, он желал вновь открыть свое сердце для нее. У них даже родился сын Освальд, который умер спустя месяц, принеся его отцовскому сердцу лишь горечь. И Фрида страдала, он знал это...

И вместо того, чтобы быть рядом с ней, Хорса отстранился, стал всячески избегать свою супругу, не сумевши больше жить так, будто ничего не происходило. Он считал их брак ошибкой, ибо он был навязан ему отцом, а смерть их сына – неким знаком, подтверждающим это. Сказать ей прямо о том, что лишь почитает ее, как мать своих детей, но никогда не любил и полюбить не сможет у него хватало мужества! И барон не нашел ничего лучше, как отстраниться, жить отчуждённо.

Он понимал, что болезнь желудка Фриды – следствие его отношения к ней, но ничего изменить был не в силах, потому как не мог приблизить ее к себе как женщину. Барон предпочитал брать к себе на ложе девушек из челяди или поселений, к которым не питал никаких чувств, которым не нужно было врать или давать надежду, стоило лишь приказать – и они покорно отдавались своему господину.

Хельга. Его любимица, старшая из двойняшек, и так похожая на него. Воспитанная, как истинная леди, и в то же время отменная охотница, свободолюбивая... Она была словно его отражением. Хорса всегда так самозабвенно любил свою дочь, которой многое позволял, а потому она выросла весьма избалованной родительской любовью и была высокого мнения о себе. Иногда всё же случалось, что Хельга проявляла строптивый нрав и поступала по-своему, однако отец-барон закрывал на это глаза, ибо к членам их семьи это не имело отношения. Чего у его дочери было не отнять, так это преданности своей семье. Она всегда, при любых обстоятельствах думала об интересах и чести семьи, а рассуждения её являлись разумными и обоснованными. Хельга любила и всегда чтит родителей и брата, всегда была им верна, и за это Хорса очень ценил любимую дочь.

Его Хельга была ещё так молода, – ей шел двадцать второй год – но уже успела стать вдовой. Брак этот был заключен лишь по политическим мотивам, в году 1141, когда императрица Матильда в очередной раз прибыла в Англию и высадилась в замке Арундел, принадлежавший Уильяму д'Обиньи по приглашению его супруги вдовствующей королевы Аделизы Лувенской, которая в гражданской войне занимала сторону падчерицы. Однако после осады замка императрица была вынуждена сдаться, а король велел барону Грейстоунскому выдать свою дочь за младшего брата графа Арундела, дабы клятва верности Уильяма д'Обиньи и Аделизы была чем-то подтверждена (впрочем, Стефан велел еще нескольким его верным баронам

породниться с бывшими сторонниками Матильды, дабы в дальнейшем заручиться их поддержкой).

Зять барона Грейстоунского умер так нелепо, поранившись на охоте. Рана, казалось, была пустяковой, но началось гноение, затем лихорадка, унесшая жизнь молодого лорда Найджела д'Обиньи, а потом и прибывшая в Грейстоун Хельга поведала матери о низменных наклонностях своего почившего супруга, кои она была вынуждена претерпевать за годы их брака, позже об этом узнал и барон. Он был бы рад выдать единственную дочь замуж по любви, но тогда ему приказал король, и разумеется, воспрепятствовать монарху он бы ни за что не посмел.

Осмунд, его единственный сын. Единственный выживший сын.

Осмунд, напротив, был очень похож на свою мать Фриду, такой же добродетельный, а местами, в чем-то нерешительный и слабый. Охотник и воин из него был не слишком умелый, зато управление собственным феодем хорошо удавалось ему. Осмунд весьма твёрдо и уверенно вел дела; был в силах и направить, и решить возникающие проблемы, и направить.

Хорса никогда особо не был близок со своим сыном. Сын обращался за советом чаще к матери, если что-то не удавалось, а отношения с отцом-бароном были скорее чинными, нежели близкородственными. Разумеется, Хорса любил Осмунда, но скрытно, по-своему, никогда открыто этого не демонстрируя.

В тот же год, что замуж вышла Хельга, барон устроил и брачный союз своего сына с леди Бертиль д'Энкур, которая происходила из рода внучки саксонского короля Гарольда Годвинсона, Матильды д'Энкур и её супруга Уолтера д'Энкура, землевладельца из Дерби. Матерью Матильды д'Энкур была принцесса Гунхильд Уэссекская, дочь короля Гарольда, а отцом – Алан Руфус, бретонский дворянин, родственник Вильгельма Завоевателя и 1-й лорд Ричмонда. Нынче же знатный баронский род д'Энкур властвует в своих угодьях Бланкни в графстве Линкольншир, но имеет множественные поместья в Дерби, Нортгемптоне, Йорке, Ноттингеме. Таким образом, леди Бертиль имела норманнские и саксонские корни в равной степени, что делало её хорошей партией для наследника барона Грейстоунского.

Она была благопристойна, прилежна и исправно рожала Осмунду детей – он был отцом уже трижды, в том числе, что немаловажно, имел наследника Освальда, а это значит лишь то, что род Хардфистов будет пускать корни и процветать! К невестке Хорса относился благосклонно, ибо дарила его сыну покой и умело поддерживала семейный очаг в их крепости Толл-Тауэр.

А ещё была Ровена... его самая большая и опасная тайна. Она всегда ждала его, была верна, однако их встречи были такими редкими.

Будучи с Ровеной, он испытывал настоящую страсть. Когда он обнимал её, у него мутнел рассудок.

Прежде Ровена была для него лишь копией Снэфрида, но потом, Хорса узнавал её ближе и сам не заметил, как по-настоящему влюбился в девушку. Она так искренне любила его, всякий так порывисто льнула к нему, что такая глубокая и сильная любовь, какую она проявляла к нему, просто не могла не вызывать в нём ответных чувств. Разумеется, Хорса корил себя за эту связь, ибо Ровена его племянница, но когда они были вместе, эти помысли оставляли его.

В их отношениях была взаимная любовь и привязанность, но всё же из них двоих больше любила Ровена, а Хорса - позволял себя любить. Его недостижимой мечтой некогда была Снэфрид, потом же, эта мечта обратилась в прах... А Ровена сама пришла к нему, призналась в любви, желала, чтобы они как можно чаще встречались, писала письма, полные тоски, когда находились порознь. Иногда, правда, она была чрезмерно навязчива, но он прощал ей это, ибо Ровена дарила ему страсть, отдавая всю себя без остатка, стремясь доставить удовольствие ему, а потому каждая их близость была жаркой, будто впервые. Она никогда не говорила слишком много, не раздражала его слезами, что было свойственно многим женщинам, дарила умиро-

творение. С Ровеной было невероятно легко, Хорса забывал о проблемах и мог просто жить и наслаждаться своим моментом.

Однако он понимал, что их отношения не имеют счастливого конца, что они просто обречены, и им всегда придётся скрываться от посторонних глаз.

Не будь она его близкой родственницей, Хорса бы привёл её в Грейстоун в качестве датской жены, однако это не возможно. Им никогда не быть вместе открыто.

Иногда он задумывался, а может Ровена и есть та самая женщина, его вторая половина, предназначенная ему судьбой? Однако, если бы это было так, он бы не стал сомневаться в этом, а сомнения у него временами все же возникали.

Как барон Грейстоунский, Хорса Хардфист умел превосходно и достойно, что называется, держать лицо. Знал, что высоко летает, но несмотря на богатство, земли и положение, не заносился, не обходился ни с кем пренебрежительно или с презрением, не был предвзят даже к слугам. Управлял он своими землями с завидным успехом, не было в его отношениях с вассалами и крестьянами предвзятости, за что снискал он уважение, а принятые им решения всегда были справедливыми. Где мог, барон старался улучшить житею простому люду, уменьшая поборы, чтобы им хватало зерна и они всегда были сыты. И за это крестьяне особенно любили господина и глубоко почитали.

Хорса всегда был глубоко предан прежде всего своему королю Стефану, был верным соратником монарха в этой затянувшейся гражданской войне с Матильдой Анжу. Барон никогда не вступал в сомнительные союзы или стоворы против короля, соблюдал осторожность и в отношениях с соседями и знатью, которая стояла выше его в иерархии титулов. Хорса никому никогда открыто не льстил, и не вступал в открытое противостояние, особенно, если оппонент занимал более высокий титул, а предпочитал держаться почтительно и, если требовалось, обособленно. Он не интриговал, сохраняя нейтралитет между сторонниками противоборствующих претендентов на трон, подчиняясь лишь королю, за что был особенно ценен в его глазах. Знал, что и кому, когда сказать. Король всегда одаривал своего барона расположением, помня его былые заслуги, ибо был твердо уверен, что может рассчитывать на него.

И знатные семейства Данелага почитали барона Грейстоунского, такие как де Клары, де Варрены, д`Обиньи, де Лионы, де Клиффорды и иные, как человека неконфликтного, умевшего ужиться, и в тоже время влиятельного, имеющего собственное мнение и способного твердо стоять на своем, занимавшего не последние позиции в Англии.

Сейчас, делая очередное глоток вина, Хорса мог самим собой, сбросившим напускные независимость и жесткость, бессильным, беспомощным, даже никчемным. Он сознавал, что часто бывает циничен и жесток в отношении близких ему людей, и порицал себя за это, за собственные греховные слабости, пороки...

И на ум ему опять пришла эта Саннива... По-девичьи нежная, юная, златовласая, она походила на солнечный свет.

Барон тут же затряс головой, отгоняя эти мысли. Залпом осушив кубок с вином, и со стуком поставив его на стол, Хорса подумал, что желает снова увидеть её.

Пробудившись поздним утром следующего дня, Хорса старался занимать себя делами, чтобы не думать об этой девочке. День ничем не отличался от тех, что он проводил прежде. Изнурительная тренировка с воинами, обеденная трапеза в обществе супруги, дочери и внучки. Поднявшись в свои покои, барон сел за стол с дубовыми ножками, и погрузился в накопившиеся дела. Он пересматривал записи в журнале крепости, где велся учет всех поступлений и расходов, перечитывал отчеты старост сельских общин, которые располагались в его владениях, и его доверенных лиц, занимающихся торговлей в столице графства, Норидже: провизией, оружием и тканью, которые скупались или были изготовлены в собственных мастерских. Чаще этими делами занимался именно Канут, но барон тоже не позволял себе отходить

от них и, время от времени в них вникая, в особенности в дела торговли, приносящей ему немалую прибыль.

Ближе к вечеру он отложил бумаги. Слуги преподнесли в покои ужин, состоявший из любимого мяса барона – баранины, квашеной капусты, лепешек и крепкого эля, но он оставил его нетронутым.

Переодевшись в ночную одежду, барон направился к дверям покоев, где держали Санниву, ведомый этим навязчивым желанием ее увидеть, остаться с ней наедине. Ведь он так и не сказал Кануту, чтобы её привели.

В покоях было тихо. Служанки поклонились, как им и полагается, и покинули покои, оставляя их наедине.

Он засмотрелся на Санниву. Среднего роста, ладная, распущенные пшенично-золотые волосы струились волнами до самой талии и так переливались в мягком вечернем освещении огня, коим горели свечи в настенных канделябрах и подсвечнике, что стоял на столе. До чего же красивые у неё волосы, подумал он про себя, точно мёд или пшеница...

Ни услышав, что кто-то вошел, ни даже узнав его голос, она не обернулась, хотя внутренне вся сжалась от страха и отвращения, а сердце бешено застучало в груди.

- Что же такого дивного ты увидела там, раз смеешь не поворачиваться ко мне?

Саннива молчала, дрожа всем телом и сдерживая подступающие слезы.

Подавляя растущее раздражение из-за того, что она пренебрегает его присутствием, Хорса приблизился к ней почти вплотную сознавая то, что его привело сюда желание быть с ней, и оно слишком сильно.

Он почувствовал, как она вздрогнула, когда он коснулся рукой её предплечья, перебрал копну светлых волос со спины на грудь.

Наклонившись к ее уху, Хорса заговорил своим низким бархатным голосом, сдержанно, вполслуха, но беспрекословно и повелевающе.

- Тебе следует смириться с тем, что ты находишься здесь, Саннива. С нашей первой встречи ты моя, и этого ничто не изменит. Если ты примешь это, твоя жизнь станет намного легче.

Из ее груди вырывались глухие рыдания. Близость барона давила на нее, а неизбежность того, за чем он пришел, приводила в оцепенение.

Продолжая вести себя сдержанно, мужчина развернул девушку лицом к себе.

- Не стоит терзать себя слезами. Я не выношу женских слёз.

Вытирая слёзы с её лица, пальцы Хорсы вдруг замерли на её щеке. Она лишь растерянно моргнула, глядя на него. Будто что-то невыносимо человеческое промелькнуло в его глазах цвета болотной тины, и тут же исчезло.

Хорса приник к ее губам. Саннива податливо раскрыла рот, не став отвечать на поцелуй, скорее всего, просто потому, что не умела этого делать и, конечно же, не хотела. Но ему и не было этого нужно. Главное, что сейчас эта девочка в его руках, такая невинная, не знавшая до него мужчины, и одним лишь присутствием пробуждавшая в нем желание.

Ведь он привык всегда получать желаемое! Будучи бароном много лет, имея в своих руках власть, Хорса не привык отказываться от своих желаний. И сейчас он твердо решил, что эта девочка всегда будет подле него и станет принадлежать только ему, пусть даже против своей воли.

Ибо жажда обладать ею стала безудержной, берушей верх над сознанием! Его руки жадно скользили по её телу, уста спустились к шее, покрывая жадными исступлёнными поцелуями, потом перемещались к ключицам.

Саннива безвольно обмякла, подобно маленькому трепетному мотыльку. Ладони её в слабом сопротивлении лежали на его широкой груди, в то время как Хорса крепко сжимал в объятиях столь желанную добычу.

Не могший совладать с собственной похотью, мужчина впопыхах стал развязывать мешавшую шнуровку платья, даже выругался, когда его пальцы путались в шнурах, все же сумев расшнуровать должным образом, дабы после спешно сбросить с неё эту одежду.

Сейчас же в его голове уже никаких мыслей не было. Остался лишь голод, который могла утолить только она! О, она стала такой покорной! Это девичье тело в его руках было таким упругим и нежным, таким податливым!..

Он даже не стал вести девушку к ложу, а просто развернул спиной к себе, и подтолкнув к стене и схватившись за прелестные округлые бедра, резко вошел в неё, застонал от пронизывающего его греховную плоть наслаждения, разливающегося по всему телу. Какая же она была тугая, горячая и не желавшая его принимать, но от того ему было ещё слаще проникать в неё...

Саннива вскрикнула. Сколько времени прошло, пока он вот так владел ею?

Она понимала, что смысла противиться ему нет, ибо будет только хуже. Ей никто не поможет. Она осталась одна в его лапах, одна в своей безысходности. Этот человек с каждым разом, с каждой минутой становился все более омерзительным и ненавистным, но она ничего не могла поделать с тем, что сейчас происходило. Липкий страх быть вновь избитой, насильно поруганной засел глубоко в душе, и сковал своими цепями тело.

Возможно, перестать противиться, не выказывать не покорности, подчиниться станет единственным способом хоть как-то облегчить свою участь, смягчить этого жесткого человека. Но человек ли он?

Она хотела смерти, но даже это право у нее отняли. Как только она пошла на поправку, то снова оказалась в его объятиях. Теперь она сдалась. Сил бороться с так внезапно изменившейся судьбой, с бароном, которому принадлежало все вокруг на сотни миль, у неё не осталось.

Он и не думал останавливаться. Повел её к ложу, уложил её и лег сверху, упиваясь её телом. Приникал ртом к коже, непрестанно лаская: проводил языком по ложбинке меж грудями, лизал соски, обводя языком каждый, а его два пальца проникли в её сокровенное место и двигались там.

Когда барон снова овладел ею, горячечно застонал, Саннива отвернула лицо и поморщилась от отвращения. О, Всевышний, даже его запах был непереносимым для неё...

Она чувствовала в себе эти тяжелые толчки, а он постепенно ускорялся, став двигаться чаще, глубже проникая в неё, стал вжиматься, вдавливаясь в неё своими чреслами.

Саннива вскрикнула от внезапной вспышки боли внизу живота.

Он отстранился, не став изливаться в неё, ибо не желал последствий. Потом откинулся на ложе рядом с ней, а она отползла к изголовью телом, и закрыла влажное от слёз лицо ладонями.

Она тихо заплакала.

- Довольно слёз, - сердито велел он, но она не могла унять свои чувства. – Прекрати рыдать, Саннива, – все ещё сдерживаясь воскликнул барон, сев на ложе и устремив взгляд болотно-карих глаз на девушку. – Считаешь меня таким чудовищем, да?

Страшась вспышки гнева, Саннива отрицательно затрясла головой.

- Послушай, я могу иначе относиться к тебе. Я не хочу причинять тебе боль, но и ты должна подчиниться мне. Понимаешь?

Саннива затихла, единожды согласно кивнула. Она не отвела от него взор, запомнив для себя, что барон не любит этого. Уставилась испуганно, затаив дыхание, и выжидала, что он будет делать дальше.

- Когда ты ела в последний раз? – осведомился он, ощущая себя неуклюжим, неловким, как будто его тело перестало ему подчиняться.

- После полудня.

- Я скажу, чтобы нам принесли поесть.

Запахнув свой халат, он ловко вскочил на ноги и направился к двери, приотворив которую, велел слугам принести им трапезу, да побыстрее.

Саннива привело в недоумение, в замешательство поведение барона.

Едва прошла минута, как этот человек насильно взял её, а сразу же после он спрашивает поинтересовался, как давно она ела. Что это за странная забота о ней? И почему он не уходит?

Стал у окна спиной к ней, облаченный в халат из тонкой желтой ткани, коий облегал его стройное и очень сильное коренастое тело. Сложил руки на груди и молча смотрит в окно. Бесспорно, этот мужчина был мужественен и привлекателен, чего не смотря на все свои темные чувства к нему, Саннива не могла отрицать. Сама же наивно засмотрелась на него тогда в саду... однако столь же он был жесток и бессердечен.

Хорса смотрел в окно, которое выходило в сад и частично во внутренний двор, ожесточенно борясь с собой. Его естество упрямо не желало покинуть эту комнату, хотя должно бы уйти в свои покои.

Взор его болотно-карих глаз растерянно блуждал по очертаниям деревьев и кустов, что росли в саду, спрятанных под покровом темноты, по плитам внутреннего двора, куда падал прозрачный свет луны, по крепости и хозяйственным строениям.

Эта девочка едва не лишила себя жизни. Она могла просто умереть из-за него. Именно поэтому её ни на миг больше не оставят одну. И отказываться от этой девушки он ни за что не станет, просто не сможет!.. Он ощущал непонятную для него самую необходимость её присутствия в Грейстоуне, в его покоях, в его жизни. Эти неясные чувства приносили в его душу бурное смятение, с которым он не мог разобраться.

Слуги довольно быстро справились: и служанка подала им к столу небольшой поднос с яствами: кусочки норфолкской копченой селедки, гороховое пюре, коржи с орехами, небольшие блюда с маринованными грибами и запеченными яблоками, а также хлеб и свежее масло, а из питья ягодный компот из абрикосов и вишен.

- Садись и поешь. Я лягу спать, я устал.

Саннива подчинилась и робко подошла к столу, отодвинула стул и присела. Сковывающий страх не оставлял её, но она начала есть.

Глядя на это, барон чуть приподнял уголок рта, усмехаясь.

Увидев краем глаза, что он стоит и смотрит на неё, она повернулась.

- Что-то не так, господин?

- Твои раны. По-прежнему болит?

- Нет, - сдавленно ответила.

Барон лег на ложе, делая вид, что уснул. Он слышал, как она откладывает вилку, как встает из-за стола, ощущал, как ложиться рядом и сжимается от того, что он находится рядом.

Будучи в такой близости от неё, Хорса сам не понимал, что сильнее: желание владеть ею... или страх потерять контроль над собой.

Наступил месяц август. Надо сказать, что жизнь Саннивы мало менялась. Она по-прежнему каждый день проводила в своих покоях в невыносимой скуке, а ночью ходила к барону, или он навещал её. Она так давно не видела солнечного света и могла наблюдать за жизнью, кипящей за стенами Грейстоун-Кастла, лишь из небольшого окна своей комнаты.

Саннива изнемогала взаперти, но терпела. Она стала покорной и учтивой, не проявляла неуважения.

Барон тоже изменился. Стал сдержаннее, мягче, не применял к ней силу.

Девушка как прежде терзалась судьбой тех людей, которых он прогнал из крепости, но держала это в себе, не спрашивая ничего о служанок. Да, она просто обязана попросить барона о милости для них! Но никак не могла решиться.

В один из душных летних вечеров Хорса снова пришел, а она как раз думала об этом.

Она поклонилась, как полагается, и взглянув на него, поняла, что попросить его она боится. Вдруг он снова разозлится?

- Добрый вечер, господин.

Хорса как-то странно глядел на неё, будто изучал, на лице тень смятения. Молча прошел к столу, сел на стул.

- Подойди ближе, присядь.

Саннива повиновалась, присела на край изножья ложа.

- Быть может, тебе что-то нужно? – спросил он с лёгким беспокойством.

- Смею ли я просить Вас... – робко раздался её голос.

Барон обратил к ней свой взор, и Саннива быстро стушеввалась, опустила направленный на него боязливый взор.

- Говори.

Она замялась, вновь не решаясь заговаривать о том, на что так долго настраивала себя.

- Говори же прямо, не бойся. Я слушаю.

- Только не сердитесь, господин. Я слышала, что Вы наказали тех слуг... тех, что были здесь до того, как пришли Линн и Элва.

Хорса нахмурил брови, взор его сделался непонимающим, потом - негодующим.

- Разумеется, наказал. Они совершили непростительную оплошность и должны понести за это наказание! Что это ещё за разговоры? Или ты чем-то недовольна?

- Простите мне мою дерзость и то как я вела себя. Всем ведомо, что решения господина никто не может оспаривать. Однако, я... То, что я сделала... Эта вина целиком лежит на мне, и...

- Ты едва знаешь их, так почему же так печёшься о них? Или может быть, эти служанки плохо исполняют свои обязанности?

- Нет, нет. Вовсе нет. Я совершила проступок, а те люди спасли мою жизнь. Они отвечают за мой поступок, это ведь неправильно!

Саннива неожиданно опустилась перед ним на колени и умоляюще воззрилась.

- Даруйте им своё прощение, господин! Пожалуйста! Простите их! Я всегда слышала от других крепостных о Вашей справедливости, о том, как они любят и почитают Вас! Верните Ваших бедных слуг в крепость! Ибо во всём этом лишь я одна повинна! Я обещаю, что впредь не сделаю ничего, что может вызвать Ваш гнев или огорчить Вас. Умоляю, даруйте им Ваше прощение!

Барон сначала опешил. Она недавно сама едва не умерла, но печется о судьбе чужих для неё людей.

В светло-зеленых глазах отражались доброта и сострадание, а ещё отчаянная мольба. В них отражалась сила, скрытая за внешней хрупкостью.

- Ты хочешь, чтобы они вновь были подле тебя?

- Я не смею более ни о чем просить, господин.

Он наклонился к ней, подал руку, помогая подняться с колен.

- Они придут вскоре, - ответил он, сам не понимая, почему позволяет это.

- Благодарю Вас, - ответила Саннива и почувствовала, как тяжесть отлегает от сердца. Даже взяла его руку и припала к ней губами.

Мужчина провел рукой по её волосам, вспоминая, за чем пришел сюда.

Коснулся подбородка, вынуждая посмотреть ему в глаза. Подушечка его большого пальца ласкала её полную нижнюю губу...

- Саннива, - задумчиво произнёс он её имя. – Значит «солнечный дар».

Одной рукой он обхватил её затылок и, чуть подавшись лицом к ней, стал целовать.

Она повиновалась ему, как и обещала. Сама разделась перед ним, сама его обнимала. И во время соития не лежала, как раньше, будто неживая, а старалась отвечать на его поцелуи, когда Хорса жесткой щетиной царапал ей лицо. Но, видимо, он все же чувствовал, что ей противно.

Потому и бросал на неё взгляды полные холодного ожесточения, а прикасаясь, словно говорил: ты полностью моя. Конечно же, его.

Санниве надо свыкнуться с этой мыслью, ибо теперь только он один у неё и остался. От этих мыслей хотелось плакать, однако слезы не разжалобят злую судьбу и ничего не исправят.

Она заворочалась на ложе, пока Хорса спал рядом, всем сердцем надеясь, что он не позабудет о данном слове, и вернет тех несчастных крепостных в Грейстоун.

Глубокой ночью баронесса ворочалась на ложе, мучимая жаром.

Женщина открыла глаза и села в постели, тяжело дыша и оттягивая ворот бежевого кружевного ночного платья. Она откинула покрывало и стала на пол, ибо ей сделалось нестерпимо душно. Госпожа вышла на террасу, жаждающая вздохнуть полной грудью и опустила руки на мраморные перила.

Лицо тут же обдул лёгкий порыв ветра, взметнув и вновь опустив на плечи её распущенные темно-русые волосы, но лучше ей не стало, напротив, голова закружилась, а тело обдал новый прилив жара.

В покоях всегда спавшая чутко Тильда пробудилась и, не обнаружив в покоях своей госпожи, появилась следом на террасе.

Баронесса медлительно оглянулась – она выглядела очень занемогшей, лицо покрыто каплями испарины.

- О, Всевышний, госпожа, – воскликнула Тильда и едва успела подбежать и подхватить баронессу под руки прежде, чем та упала без сознания.

В главном зале крепости наутро самые любопытные уже наострили свои уши, желая прознать, в чём же дело.

- Это что, мистрис Роза, правда, что все говорят? Будто баронесса больна?

- Да вроде ей ночью вдруг плохо стало. Лекаршу позвали. Она и сейчас у неё. Меня даже не пустили к ней, - поведала старшая служанка.

- Ну, значит дело серьёзное!

- О, Создатель, спаси и сохрани, - ахнула мистрис Роза. – Надо ждать, когда выйдет лекарша, тогда всё и узнаем.

Престарелая Осбурга как раз, не торопливо переступая с ноги на ногу, спускалась по лестнице в главный зал, а один из пажей нес чемоданчик врачевательницы со всякими снадобьями.

- Ну что там с госпожой? – нетерпеливо осведомилась старшая служанка, подойдя к лекарше. – Рассказывай!

- Ничего серьёзного, мистрис Роза. Видимо, госпожа что-то не то съела.

- Видимо, не то съела, - недоверчиво повторила слова врачевательницы старшая служанка. – Тильда вон панику какую устроила!

- Все испугались за баронессу, но сейчас уже всё хорошо, слава Всевышнему. Я должна приготовить лекарство.

- Вид у её встревоженный. Она явно скрывает что-то, - пробормотала мистрис Роза одному из своих прихвостней.

- Только я стала поправляться, и вот опять, - сокрушалась баронесса тем временем в своих покоях. - Хоть кто-то из крепостных узнает, конца не будет сплетням и пересудам.

- Никто не узнает, я позабочусь, - ответила Тильда. - А Вам надо отдыхать, спать, госпожа.

- Нет, не будет у меня ни сна теперь, ни отдыха. Ни одна душа не должна ничего знать, Тильда. Особенно, что случилось ночью.

- Госпожа, но крепостные слышали, как я велела в покои лекаршу...

- Одеваться, быстро! – пришла в смятение леди Фрида.

- Госпожа...

- Одеваться, Тильда! Господин не должен меня видеть такой.
- Давайте подождем хотя бы до тех пор, пока Осбурга приготовит для Вас лекарство, госпожа. Вы примете его, и Вам станет легче. Тогда и покажетесь на люди.
- Подготовьте мою любимое платье, - слабым голосом велела баронесса, чувствуя себя обессиленной, и откидываясь на подушки на своем ложе.

Спустя несколько дней.

Леди Хельга велела своей служанке Джул отыскать одну из тех девиц, которые находись в услужении шлюхи её отца, когда Джул сообщила своей госпоже, что в Грейстоун возвратили тех четверых крепостных, коих барон прогнал после того, как девица порезала себе запястья.

Леди Хельга пребывала в полнейшем недоумении и возмущении благодаря вестям, ибо Джул сообщила, что услышала от крепостных, якобы это была просьба самой девицы к господину, и он эту просьбу исполнил.

- Двуличная плутовка, - негодовала госпожа, высокомерно вздернув подбородок. - Не могу поверить, что отец внял просьбам какой-то крепостной.

Позже, когда Линн вошла в её покои миледи, то почтительно поклонилась.

- Вы желали видеть меня, моя госпожа.

- Желала. Мне ведомо, что тебя несправедливо прогнали из-за каприза той шлюхи, потому теперь я хочу, чтобы ты служила мне. Будешь моими глазами и ушами в Грейстоуне.

- Это большая честь для меня, госпожа! – воодушевленно отозвалась Линн, а глаза её загорелись рвением и живым интересом. - Я сделаю все, чтобы Вы остались довольны мной и постараюсь быть полезной для Вас.

- Чудесно, Линн. Но ты ведь понимаешь, что никто и ни при каких обстоятельствах не должен узнать о нашем уговоре, ибо в противном случае могут быть нежелательные для тебя последствия? Мои поручения будут весьма деликатными.

- Я осознаю это, госпожа. Я не заговорю даже под страхом смерти.

- Ты будешь наблюдать за покоями господина, а также за покоями этой... девицы. Я хочу быть осведомлена, что между ними происходит.

- Сделаю, как велите, госпожа. И могу сообщить Вам, что в то время, пока я была при ней... простите меня, и сам господин посещая её, оставался несколько раз там ночевать.

- Хм, даже так... ясно. Будешь следить и обо всём мне докладывать, а когда придет время, я возьму тебя к себе в личное услужение, при условии, разумеется, что ты не подведешь меня.

Леди Ровена в один из жарких августовских дней приехала в Грейстоун-Кастл по делу под предлогом того, чтобы предоставить барону отчетность о ведении хозяйства в крепости Уорлинг и обсудить, когда люди господина прибудут забрать вассальную подать. Истинным намереньем госпожи стало желание повидать барона, ибо она истосковалась по нему за те дни, что они не виделись. Госпожа знала, кто является тому причиной, но пока что рассудила, что не станет ничего предпринимать.

На пути к барону в главном зале Грейстоуна она столкнулась с леди Хельгой, вынужденно поклонилась ей.

- Дочь потаскухи, - презрительно обратилась к кузине дочь барона, надменно вскинув темноволосую голову. Леди Хельга намеренно повысила голос, полагая, что сумеет унизить её в присутствии многочисленной челяди. - Вновь оскверняешь наш дом своим присутствием?

Леди Ровена повела себя, ко всеобщему удивлению, непринуждённо и подчеркнуто вежливо. С напускным сожалением произнесла:

- Госпожа, отчего Вы так несправедливы ко мне? Почему Вы злословите, я ведь совершенно этого не заслуживаю. Я искренне, всем сердцем соболезную Вам, так рано потерявшей мужа. Я желаю Вам лишь мира и покоя в Вашей израненной душе.

- При чём тут мой почивший муж? – раздраженно и непонимающе осведомилась Хельга.
- Как же не при чём? Я считала слухи о его греховных наклонностях лишь выдумками злых языков, однако, как вижу, они правдивы. Вместо того, чтобы достойно носить свой траур, Вы желаете лишь всячески оскорбить меня, свою родственницу, что меня очень огорчает. Так Вы компенсируете свою женскую неполноценность?

Дочь барона опешила от этих слов. Она негодуяюще воскликнула:

- Ты бесстыжая! Ты дрянь! Да кто ты такая, что смеешь так разговаривать со мной?

Ровена, с безмятежным выражением лица наблюдала, как болотно-карие глаза дочери господина запылали от возмущения, как она пышет горячей и бессильной злобой, как вздымается и опадает грудь Хельги от бурного дыхания, ибо сама Ровена не выказала и тени смятения, оставаясь такой же, как и всегда, собранной и сдержанной.

- Простите, госпожа, у меня не было такого намерения. И эту неприятную беседу начали Вы, а не я. Я не стану таить обиду на родного мне человека, пребывающего во власти душевных мытарств. Господь да поможет Вам. С вашего позволения, госпожа. – Она издевательски поклонилась и с самодовольной ухмылкой стала подниматься по лестнице, ведущей в донжон.

Тишина стояла в главном зале. Запылав от унижения, леди Хельга высокомерно вскинула темноволосую голову и угрожающе обернулась на крепостных, которые тут же засуетились под её негодующим взглядом.

- Что встали? Продолжайте работу, иначе всех вас прогоню! – гневно воскликнула дочь барона и также быстрым шагом направилась к лестнице, что вела в донжон.

- Стража, доложите обо мне, - велела леди Ровена, но двери открылись прежде, чем в них вошел слуга, и из них вышла светловолосая девушка, растерянно воззрившаяся на неё светлыми зелёными глазами.

Перед Саннивой стояла красивая молодая девушка в синем платье вышитым изящными цветочными узорами из серебряной нити. Видимо, она принадлежит к семье барона, ибо стражники стояли, почтительно опустив головы.

Саннива склонилась, но задержала взгляд на сей госпоже, своей сверстнице, отметив её безупречную красоту лица и статность. Одна из самых красивых женщин, коих ей доводилось повидать.

Она — воплощение сдержанной силы. Молодая женщина с холодным, пронизывающим взглядом серых глаз, в которых — ни капли сомнений, только расчёт и непоколебимость. Её светлые волосы словно отблеск северного солнца — холодного, но слепящего. В ней — ясный ум, некая суровость и выдержка.

В действительности, леди Ровена являлась таковой.

Она никогда действует под влиянием эмоций, а каждое её решение, выверено до последней мысли, как удар шахматной королевы.

Снаружи — холод, внутри — пламя. Страсть её редка и опасна: она не любит легко, но если отдаёт своё сердце, то полностью, без остатка. Любовь для неё — не просто чувство, а священный обет. И тот, кому она верна, получает союзницу, чья преданность не знает границ.

Но пусть никто не посмеет посягнуть на то, что она считает своим. За внешним спокойствием скрыта готовность к безжалостному разрушению. Ради любви и семьи она обнажит кинжал, разрушит чужие жизни, переступит через мораль, закон, страх. Её любовь — это и благословение, и приговор. Она защитит своё чувство, как ледяной ветер охраняет снежную зиму — беспощадно и навсегда.

Леди Ровена понимающе нахмурилась, скользнула оценивающим взглядом по растерявшейся девушке. Приглядная, но не более того, и, очевидно, что дурнушка.

- Ты кто такая?

Саннива чуть замешкалась, но затем ответила.

- Я из челяди, госпожа.

- Я тебя здесь раньше не видела.

- Меня недавно взяли в услужение, госпожа. С Вашего позволения. – Саннива поклонилась и, обойдя племянницу барона, удалилась.

Ровена же, дождавшись позволения, степенно прошествовала в покои своего дяди.

Барон, облаченный лишь в халат из тонкого желтого шелка, радушно улыбнулся племяннице и широко развёл руки, заключая желанную красавицу в объятия.

- Господин, - затрепетав, нежно молвила госпожа, и улыбнувшись ей, Хорса любовно коснулся её щеки.

Ровена позволила себе всего на секунду насладиться его прикосновениями, и сама отпрянула.

- Вижу, что Вы не очень-то тосковали по мне, господин, - иронично заметила она, многозначительно посмотрев на него, из-за чего мужчина удивлённо вскинул брови.

- Из твоих уст доноситься упрёк?

- Простите. Я приехала по важному вопросу.

Ровена предпочла обсудить иное – дела. Закончив обсуждение вассальной подати, она осторожно осведомилась:

- Навестите меня завтра?

- Приеду, - кивнул барон, - к вечерней трапезе.

Дымчато-серые глаза госпожи засияли. Она счастливо улыбнулась.

- Как и всегда, я должным образом приму Вас, господин моего сердца.

- Хельга, то что я услышала, это правда? – обратилась баронесса к дочери, что была непривычно мрачной и раздраженной за вечерней трапезой, даже сорвалась на служанку в её присутствии.

Хельга вздохнула.

- О чем Вы говорите, матушка?

Леди Фрида с досадой покачала головой, сетуя на происходящее.

- О Ровене.

- Я не сдержалась, матушка! Простите меня! Я не выношу её! Как вижу её, сразу вспоминаю её мать, эту змею, ибо Ровена истинное её отродье!

- Милая, тебе не следует относиться к ней с презрением, - с мягким укором молвила баронесса. – Должно быть сдержаннее на людях, ибо крепостные станут судачить о таком недостойном поведении, и это может дойти до господина, если он уже не узнал. Таким образом ты лишь бросаешь тень на доброе имя своего отца.

- Обо мне и так давно судачат, матушка. И причиной тому – мое замужество за человеком, который, как изволила выразиться дражайшая кузина «имел греховные наклонности». И ведь это правда! Найджела всегда интересовали смазливые оруженосцы или даже каменщики, только не я, – в бессильной злости воскликнула Хельга. – В то время, как Ровена сумела выйти замуж по любви и остаться в родовом гнезде! Отчего отец так расположен к ней, не понимаю! Он говорил со мной, сказал, чтобы я наладила с ней отношения и что обязана проявлять уважение. И сегодня он отправился навестить свою любезную крестницу и её бесхарактерного мужа!

- Хельга, резиденция д`Обиньи находится в десятках миль от нас, и знай господин о таких... постыдных почившего лорда Найджела, уверена, он бы не стал идти на заключение этого брака.

Леди Фрида накрыла ладонью руку дочери, выражая таким образом поддержку и понимание, и взор Хельги смягчился.

- Все это в прошлом, моя милая. И забудь об этом. Вины твоей в этом нет. Ты молода, красива и еще обязательно удачно выйдешь замуж за достойного человека, с которым вас будет

связывать любовь и почтение друг к другу. Осмунд прислал весть, - любовно улыбнулась баронесса. – Бертиль чувствует себя отлично. Сын спрашивает, когда мы навестим его.

Крепость Уорлинг.

Окно в башне было открыто. Время от времени порыв ветра хлопал ставнем, врываясь в покой. Там внутри, на небольшом подиуме стояло роскошное ложе. Пушистый мех покрывал его сплошной массой. Здесь, у коротких точеных ножек ложа, валялось скомканное второпях платье и мужская одежда из кожи, грубые сапоги со шнуровкой. А на ложе, сплетаясь в жарком объятии, ритмично двигались два обнаженных тела.

Наконец мужчина глухо застонал сквозь зубы, и тотчас ему ответила девушка – коротко взвизгнув, она изогнулась, – и опала, погрузившись в мех, урча как дикий зверек.

Теперь они лежали, тяжело дыша, и лишь прохладные порывы ветра, влетающие в узкое окно, сливались с их дыханием. Мужчина приподнялся на локтях и откатился, перевернувшись на спину. Закрыв глаза, он еще какое-то время лежал, успокаивая дыхание. На светлом фоне меха его мускулы выделялись особенно точно, мощная грудь вздымалась.

Приподнявшись, девушка с тихой полуулыбкой взглядела в него. В этой улыбке светило торжество. Мелкие, как у хищника, зубы блеснули сквозь полуоткрытые чувственные губы. Глаза были необычные – широко расставленные миндалевидные, дымчато-серые с лиловым оттенком, который проявлялся только при свете пламени свечей в покоях.

Она провела рукой по его резко очерченному лицу, по сильному подбородку, шее, запустила пальцы в разметавшиеся темные волосы.

– Что? – не открывая глаз, спросил он.

– Мы созданы друг для друга.

И словно не веря в сказанное, она спросила:

– Ты любишь меня как прежде, Хорса?

Он чуть улыбнулся.

– Порой ты сметишь меня, Ровена. Мы вместе уже долгое время, несмотря на постоянную опасность, а ты все еще спрашиваешь, люблю ли я тебя. Разве я не доказал это?

Он говорил сонно, не открывая глаз, и от этой его медлительности кровь вновь закипала в её жилах. Она вновь хотела его. Ей было мало. Всегда. Подчас ей казалось, что она готова загрызть его, как волчица, лишь бы он не принадлежал более никому.

– Довольно, – вдруг резко проговорил Хорса, когда она вновь начала ласкать его. Отведя обнимавшие его руки, он встал. – Не сердись, Ровена, но мне пора возвращаться в свои покои. Близиться рассвет.

Он подошел к окну и потянулся всем телом навстречу ветру, разметавшему его темно-каштановые волосы. Он коренаст, тяжелые мускулы, словно змеи, сплетались под блестящей бронзовой кожей. Ровена зарылась лицом в мех, чтобы не видеть его, чтобы побороть искушение броситься, обвить его, прижаться всем телом.

Когда она справилась с собой, он по-прежнему стоял у окна. Она не могла удержать тоскливого вздоха.

Словно прочитав её мысли, Хорса сказал:

– Не сердись, моя Луна. Но мне пора.

Девушка порывистым движением встала.

Беззвучно приблизившись, она стала подле барона. Но он не повернулся к ней, продолжая глядеть вдаль, чуть шурясь от ветра, который принес с собой запахи зелени и легкие, блестящие паутинки.

Он вернулся к ложу, собрал одежду и стал одеваться.

В покоях стоял накрытый стол, поблескивал кубок пахло жареной дичью, на блюде громоздились всевозможные фрукты. Ровена старалась, чтобы Хорса, находясь у нее, ни в чем не

испытывал недостатка. И сейчас, когда одевшись барон уселся за стол, он с невольной нежностью подумал о ней.

Он видел, как Ровена, гибко скользнула в длинную рубаху из тонкого льна, Она всегда двигалась неторопливо, словно бы нехотя, а свой неистовый темперамент проявляла только на ложе.

Поглядывая на неё, Хорса разломил куропатку и впился в сочную мякоть зубами.

- Что случилось между тобой и Хельгой? Когда вы наконец примиритесь? Ты позволила себе недопустимое, да ещё и в присутствии челяди.

Красивое лицо девушки вмиг помрачнело, а взгляд серых очей сделался непривычно тяжёлым, преисполненным ледяной ярости.

- Она посмела скверно отозваться о моей матери. Я никому не позволю поругать её светлую память! Никому. И ты простишь Хельге это? – укоризненно ответила Ровена, не отводя пронизательного взгляда. – Думается мне, что не так уж сильно ты любил мою матушку, если попустительствуешь подобному поведению дочери.

Барон не ответил сразу, жуя мясо куропатки. Отпил эля из кубка. Слова Ровены болезненно отзывались в его груди.

- Ответь же, не молчи.

- Я любил Снэфрид больше самой жизни, это всем известно, - с сожалением отозвался Хорса. – Довольно об этом.

Хорса вновь отхлебнул эля. Ему стало легче, лишь когда он увидел, что племянница отвернулась и стала перебирать привезенные им подарки: несколько ажурных ожерелий, ткани, меха. Она ласково гладила связки беличьих шкурок, улыбаясь разглядывала пушистый огненно-рыжий мех лисы. Ровена достала из сундука с подарками ажурный венец светлого золота с рядом молочных жемчужин по ободу. Прекрасное украшение, да еще в зубьях трилистников венца так красиво мерцают желтые топазы. Она довольно улыбалась и примерила его.

Камни в свете свечей мерцали отблесками золота. Такими же, как волосы Саннивы...

Хорса улыбнулся, вспомнив ее золотисто-светлую копну волос, выразительные брови и робкий взгляд светло-зеленых глаз, глубоких и искрящихся.

Неожиданно он вздрогнул, заметив, что Ровена наблюдает за ним. Ему показалось, что она догадывается о его мыслях. Причем думал он про эту светловолосую крепостную куда чаще, чем хотел себе признаваться.

- Я слышала, что ты много времени уделяешь одной из крепостных девушек.

Она выразительно посмотрела на него, и Хорса замер, чувствуя, как между ним и племянницей возникает напряженность.

Порой барон чувствовал, как одна его часть стремится бежать от этой женщины, а другая страстно жаждет её. Но Хорса уже решил: никогда он не откажется от нее, и она всегда останется его женщиной. Ровена была ему верной подругой, советчицей, пылкой возлюбленной. Отчего же теперь он чувствовал, как растет отчуждение между ними? Их связала плоть, ибо ни одна женщина не дарила ему таких наслаждений, как эта лунная дева, однако души их словно существовали порознь

Ведь он не единожды видел, как восхищенно глядят на нее его рыцари, и гордился ею. А вот Ровена словно видела его насквозь, словно могла увидеть в его душе даже то, что он скрывал от себя. Для него же было важно лишь то, что она любит его и верна ему.

- Ранее я никогда не обещал, что стану делить ложе только с тобой, Ровена. Но твое место в моём сердце никто не займет.

Хорса поднялся из-за стола, подошел к возлюбленной и коротко поцеловал в полные уста.

- Не грусти, моя красавица. Вскоре я вновь навещу тебя. – И скрылся в тайном проходе, соединяющим их покои.

Спустя несколько дней.

В самом сердце суровой средневековой крепости, за толстыми каменными стенами, укрывался островок спокойствия – сад. Место, где природа и архитектура сливаются в гармоничное единство. В этом уголке, окруженном высокими каменными стенами, царила особая атмосфера. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, создавали игру света и тени на мощных дорожках, выложенных из гладких камней.

Высокие стены, увитые плющом, защищали сад от ветров и любопытных глаз. Цветы, распустившиеся в разгар лета, радовали глаз яркими красками. Розы, лилии и флоксы источали сладкий аромат, привлекая пчел и бабочек. В центре сада располагалась небольшая фонтанная чаша, из которой струилась вода, создавая мелодичный звук, который успокаивал и умиротворял.

Небольшой фруктовый сад, с яблонями, грушами и вишнями, добавлял саду живописности. Весной он утопает в белом цвете, а осенью щедро одаривает сочными плодами. Под деревьями, в тени, установлены простые деревянные скамьи, где можно отдохнуть и насладиться тишиной.

На заднем плане виднелся небольшой огород, где выращивали овощи и зелень. Здесь, в строгом порядке, высажены лекарственные травы: шалфей, розмарин, мята, лаванда. Их терпкий аромат смешивался с запахом земли и влажной листвы, создавая успокаивающую атмосферу. Рядом, на приподнятых грядках, зрели овощи: капуста, лук, свекла. Они не только обеспечивали пропитание обитателям крепости, но и радовали глаз своими яркими красками.

В углу сада стояла уютная беседка, обвита вьющимися растениями, где члены семьи барона и его гости могли укрыться от зноя, и насладиться чашей вина, любясь окружающей красотой.

Сад в средневековой крепости – это не просто место для выживания, это символ надежды и красоты в мире, полном опасностей и лишений. Это место, где можно найти утешение, восстановить силы и почувствовать связь с природой, даже за толстыми каменными стенами. Это маленький рай, созданный руками человека, чтобы напомнить о том, что жизнь продолжается, несмотря ни на что.

Птицы щебетали на ветках, а ветер нежно колыхал траву. В этом месте, где природа и человеческое творчество переплетались, каждый уголок сада хранил в себе истории о любви, дружбе и жизни барона и его семьи.

Впервые выйдя на улицу за долгое время и созерцая эти красоты, Саннива ощущала самые разные, непохожие чувства.

Долгие, бесконечные дни, недели, месяцы, проведенные в роскошных, но тесных покоях. Мир сузился до каменных стен и света, пробивающегося сквозь небольшое окно. Для саксонки выход на улицу был не просто переменой обстановки – это было возвращение к жизни, к миру, который она, казалось, уже забыла. Мир казался настоящим чудом!

Первые мгновения – ошеломление и неверие. Когда тяжелая дверь наконец отворилась, и она ступила на залитую солнцем землю, первое, что ее поразило – это свет.

Солнце, пробивающееся сквозь облака, освещало её лицо, и она чувствовала, как тепло его лучей проникает в самую душу.

Воздух. Он был другим. Не затхлым и тяжелым, а свежим, наполненным ароматами земли, травы, цветов. Каждый вдох казался глотком чистого, живительного эликсира. Она могла почувствовать ветер на своей коже, который прежде был лишь далеким шепотом в заточении.

Звуки. Мир за стенами был полон звуков, которые раньше доносились лишь приглушенно. Пение птиц, смех детей, говор людей, стук копыт, звон колоколов – все это обрушилось на нее, одновременно пугая и завораживая.

Цвета! Яркие, насыщенные цвета, которые она видела лишь в своих мечтах. Зелень травы, синева неба, пестрота одежды, блеск металла – все это казалось невероятным, почти нереальным. Мир был живым, движущимся, полным деталей, которые раньше были ей недоступны.

Она шагала, и каждое её движение было наполнено волнением и трепетом.

Внутри нее бушевала буря. Страх – страх перед неизвестностью, перед осуждающими взглядами, но вместе с ним – радость, чистая, детская радость от ощущения свободы.

Взгляды крепостных – любопытные, сочувствующие, а может, и равнодушные – были для нее как прикосновения. Она могла видеть их лица, их эмоции, их истории, которые раньше были скрыты. Возможно, кто-то улыбнулся ей, кто-то отвернулся, но каждый взгляд был знаком того, что она снова является частью человеческого муравейника.

Выход из заточения был не просто освобождением. Это было пробуждение. Пробуждение чувств, пробуждение сознания, пробуждение к самой жизни. Это был момент, когда мир снова обрел для нее смысл, когда каждый вдох, каждый взгляд, каждый звук наполнял ее душу новой, неизведанной силой. Это было начало нового пути, полного опасностей, но и полного надежды, где каждый новый день был подарком, а недолгая свобода – самым драгоценным сокровищем.

Как долго она мечтала о том, чтобы увидеть этот мир, и вот, наконец, её мечта сбылась. Но с ней были и тени прошлого — страхи и сомнения, которые не покидали её.

Смех, радость, страх и надежда — все эти эмоции переплетались в её сердце. Она сделала шаг вперёд, готовая принять этот мир, и, возможно, найти своё новое место в нём.

Барон сам позволил ей эту прогулку, пообещав, что она станет далеко не последней, если Саннива станет и дальше проявлять послушание.

Позднее наутро явилась Эбба, которая вместе с Агной вновь исполняли свои обязанности служанок подле неё, с вестью о том, что управляющий велел им отвести Санниву на прогулку. Сам барон дал ему такие указания.

Саннива прогуливалась вместе с Агной по аллее, усаженной по обе стороны невысокими кустовыми деревьями с густыми листьями, как перед ними появилась Линн, словно взявшись из неоткуда.

Саннива удивленно вскинула брови, а Агна постаралась справиться с волнением.

Некоторое время назад Линн ловко поймала Агну за локоть в одном из коридоров, что вел из прачечной комнаты в главный зал, а через него – в донжон. Агна несла из прачечной чистую одежду для Саннивы, а когда почувствовала резкое прикосновение, то испуганно ахнула, едва не выпустив из рук одежду.

- Пстой-ка, Агна. Леди Хельга желает повидать вашу подопечную. И ты мне в этом поможешь.

- Леди Хельга?.. – растерянно переспросила белокурая Агна.

- Да, госпожа так приказала! И никому ни слова, если не хочешь неприятностей, поняла? Агна в смятении закивала и довольная собой Линн оставила девушку.

И сейчас, когда заросли сада скрывали их от посторонних глаз, Линн решительно направлялась к ним.

- Чего тебе? – осведомилась Саннива, стараясь сохранить внешнее спокойствия. От этой девицы добра ждать не стоит, что-то навязчиво подсказывало ей.

- Госпожа ожидает тебя в садовой беседке, - с видом победительницы огласила Линн.

- Госпожа меня? – недоверчиво переспросила Саннива. – Ступай-ка ты своей дорогой, Линн.

- Ты что оглохла? Я говорю, что леди Хельга желает видеть тебя и ожидает в садовой беседке! Не следует заставлять госпожу долго ждать.

- Раз госпожа так велела, то показывай дорогу.

Сердце бешено заклокотало в груди, но Саннива вынуждено подчинилась.

Линн сказала правду. В садовой беседке спиной к ним стояла точеная царственная фигура леди Хельги в роскошном бордовом платье.

Госпожа повернулась к ним, и три девушки склонились в почтительных поклонах.

- Оставьте нас, - прозвучал её низкий приятный голос, с нотками превосходства.

Молодая госпожа обладала внешностью, которая сама по себе кричала о ее высоком происхождении и нетерпимости к низшим сословиям. Высокий, чистый лоб, без единой морщинки, подчеркивал ее статус. Глаза такого цвета, как и у барона, смотрели на мир с явным превосходством. В них не было теплоты или сочувствия, только откровенное презрение. Губы сжаты в тонкую линию, словно она боялась, что даже воздух, которым дышат простолюдины, может ее осквернить. Ее осанка была прямой и гордой, а каждое движение выдавало в ней человека, привыкшего к подчинению других.

- Мне известно, что ты очень хочешь покинуть Грейстоун-Кастл, ведь общество моего отца не доставляет тебе особого удовольствия.

Саннива опустила голову, а руки сомкнула в замок, будто в защитном жесте.

- Не так ли?

- Простите, госпожа...

- Можешь ничего не говорить, мне и так ведома истина. И я не желаю твоего присутствия в крепости. Я готова оказать тебе содействие в том, чтобы ты покинула нас навсегда. Мы станем ждать удобного случая, когда господин будет отсутствовать, и ты обретёшь долгожданную свободу.

Саннива стояла, словно приросшая к полу. Ее сердце колотилось в груди, как пойманная птица, а руки дрожали. Сама мысль о том, чтобы поднять глаза и встретиться с этим властным взглядом, вызывала у нее приступ паники.

Она чувствовала себя ничтожной, маленькой, словно пылинка, случайно залетевшая в этот мир роскоши и величия. Ее голос, привыкший к тихим разговорам с другими слугами, казался ей слишком грубым и неотесанным, чтобы произнести хоть слово в присутствии такой утонченной особы.

Саннива старалась дышать ровно, но каждый вдох давался с трудом. Она боялась сделать что-то не так, сказать что-то не то. Один неверный шаг, одно неосторожное слово – и она могла навлечь на себя гнев, который был страшен даже в самых отдаленных уголках крепости. Она знала, что ее жизнь, ее судьба полностью зависела от благосклонности господ.

- Да, госпожа. Как прикажите, - выдавила из себя Саннива.

- Чудесно. Ступай, и жди от меня вестей. Когда придет время, Линн сообщит тебе, что нужно делать.

Поклонившись, Саннива поспешила оставить дочь барона и найти Агну, чтобы вернуться в свои покои.

Глава 3. Смерть Элдры Риверс и рождение Эльсвиты. «Побег» Саннивы

.

Риверс-Тауэр, сентябрь, 1145 года

Леди Элдра лежала на ложе, откинув голову на подушки, ослабленная родами. Лицо её сделалось бледным и осунувшимся, чело покрывали капли испарины. Волосы на висках взмокли, а основная их масса беспорядочно разметалась.

Третьи роды подряд прошли весьма тяжело и изнурили тело молодой женщины. Уже через несколько дней после рождения сына её состояние ухудшилось, и она слегла от родильной горячки. Врачевательница никак не могла ей помочь... Все в Риверс-Тауэре молили Всевышнего о спасении всеобщее почитаемой и любимой леди, которая всегда была беззлбна,

справедлива и благочестива. И снова она подарила супругу сына... Эспен Риверс нарек его Альриком, в честь своего старшего брата, которого он никогда не знал.

Оставив все дела на управляющего Осгара, Эспен сидел у ложа супруги. Она непрестанно держал её тонкую руку в своей руке, прижимался к ней лбом, целовал. Его нижняя губа дрожала от сдерживаемых рыданий.

Элдра почти сутки пребывала в бредовом состоянии, время от времени что-то бессвязно бормоча. Она то краснела и потела от жара, то бледнела от того, что её тело охватывал озноб. Служанки постоянно меняли влажные простыни и промачивали ей чело и щёки влажным чистым отрезом сукна. Врачевательница сказала, что остаётся лишь уповать на милость Господню и молиться.

- Эспен... - прозвучал её слабый сухой голос вполслуха.

- Элдра! Моя Элдра! Милая, ты очнулась, слава Всевышнему!

Она ощущала слабость, силы медленно покидали изнеможённое тело. Взгляд теплых карих глаз потускнел в темных полукружьях глазниц, а лицо обелила нездоровая бледность. Она по-прежнему с любовью глядела на мужа.

- Наш сын...

- Наш сын жив и здоров, о нем заботится кормилица, - поспешил заверить супругу Эспен.

– Не терзайся волнением, за мальчиками хорошо смотрят. Приведите детей, - велел он служанке.

Когда младенца принесли и дали матери, то Элдра вымученно, но счастливо улыбнулась. А старшего Этельреда и среднего Этельстана усадили по обе стороны от неё на ложе, и они стали лнуть к ней, ибо им не хватало материнской ласки, которой дети всегда привыкли быть щедро одаренными.

Этельстану было полтора года, и он ещё мало что понимал, а вот Этельреду шел уже третий год, и ему было понятно, что матушка болеет и ей очень плохо. Он тихонько прилег подле Элдры и положил голову ей на плечо.

Дыхание её было прерывистым, но тёплым, и мальчики почувствовали его, когда матушка поочередно нежно поцеловала их в макушку.

Эldre было очень плохо, но она с улыбкой смотрела на сыновей и мужа, чьи глаза были полны безнадежного отчаянья и тревоги. Эспен молча плакал, сидя у ложа супруги.

- Я очень люблю вас, мальчики. Всегда об этом помните. И тебя очень люблю, муж мой. С первой нашей встречи... Пусть уведут детей, - слабо просила Элдра. – Они... не должны... видеть меня такой...

Молодая женщина снова поцеловала всех троих сыновей и подождала, пока их заберут служанки.

- Я умираю... Эспен... - бессильно изрекла она. - Заботься о наших сыновьях, Эспен. Сделай их достойными людьми. Пусть они помнят меня не как жертву, а как ту, кто любил их всем сердцем.

- Я люблю тебя, Элдра, слышишь? Я люблю тебя! – обречённо воскликнул Эспен, ибо понимал неизбежное и отчаянно жаждал, чтобы возлюбленная, жена, мать его детей услышала его слова!

Она медленно прикрыла веки и, откинув голову на подушку, испустила последний вздох. Эспен видел, что её грудь больше не вздымается при дыхании, и сел на край ложа рядом с безжизненным, но ещё тёплым телом жены. Трясущейся рукой он коснулся её щеки, бережно заправил прядь русых волос за ухо. Он уткнулся лицом ей в плечо и безутешно, безудержно, истошно завывал, зарыдал...

Толл_Тауэр сентябрь, 1145 года

В сей крепости всегда царили покой и семейное счастье, ибо Осмунду Хардфисту несказанно повезло с его женой Бертиль – они образовали крепкий союз двух любящих людей. Надо сказать, что в мире родовитой знати, служащей королю, где браки заключались по договорённостям или из политических соображений, такой подарок судьбы доставался не каждому, но им посчастливилось, и молодые супруги каждый новый день проживали, наслаждаясь друг другом и своей спокойной жизнью в Восточной Англии, которую гражданская война едва затронула.

Их любовь была тихой, спокойной и сдержанной, как пламя, горящее мерно и умиротворяюще. Особенная в своём спокойствии, наполненная доверием и нежностью.

Тогда, несколько лет назад, Бертиль слыла весьма завидной невестой, ибо была единственным ребёнком, наследницей многих поместий, приносящих большие доходы, и плодородных угодий. Она всегда знала, что её долгом будет дать господина отцовским владениям, и когда их с наследником барона Грейстоунского из Норфолкшира обручили, отнеслась к предстоящему браку спокойно, без излишней восторженности. Это была просто сделка, приумножающая богатства обоих родов и укрепляющая их положение, делающая их надёжными союзниками. Да и тешило то, что её будущий муж не увядающий старик, а молодой и приглядный юноша, а значит, их супружеские отношения не опротивеют ей, и брачный союз будет долгим, ибо Бертиль не завидовала тем молодым леди, которых могли выдавать замуж трижды и более раз.

После венчания юноша и девушка сразу же потянулись друг к другу и вскоре нашли общий язык, будучи во многом схожими между собой.

Осмунд – всегда сдержанный, немного замкнутый в себе. Редко, кто видел его улыбку.

Бертиль – степенная и мудрая не по годам девушка, выросшая в основном под покровительством своей няни, ибо её отец чаще отсутствовал и уделял ей мало внимания.

К тому же, она понесла сразу же после первой брачной ночи, и последующее рождение двойняшек Этельгифы и Освальда не могло не сблизить их.

И в это позднее утро тёплого дня сентября они прогуливались по небольшому ухоженному саду Толл-Тауэра, в ожидании очередного ребёнка. Четвёртого ребёнка. Все надеялись на то, что родиться мальчик. Ибо если у Грейстоун-Кастла уже есть наследник, Освальд, то наследником владений отца Бертиль станет второй сын молодой четы.

Осмунд Хардфист был невысоким и худощавым, как его матушка, Фрида Мархиллская, но благодаря тренировкам с оружием и езде верхом телосложение его стало жилистым и крепким. Имел тонкий прямой нос, впалые щеки и выразительные скулы на по-матерински вытянутом лице. Светло-русый цвет волос, светлые брови и холодные голубые глаза Осмунд унаследовал от покойного деда, барона Освальда Грейстоунского. Только его волевой подбородок и выщипанные волосы можно было считать отцовскими чертами, а в остальном молодой наследник ничем не походил на своего отца-барона.

Осмунд заботливо поддерживал жену, бывшую с ним практически одного роста, под локоть, и они неспешно ступая по тропинке.

Бертиль была ладной, хорошо сложенной молодой женщиной. Господь наградил её крепким здоровьем, и она оба раза на диво легко рожала детей, ибо обладала крепким и подтянутым телом, и имела широкие бёдра, благодаря чему дети легко выходили из материнской утробы в положенный срок. Фигура молодой женщины мало менялась, несмотря на роды – талия оставалась такой же тонкой, а изгибы бёдер плавными.

Длинные распущенные темно-русые волосы всегда красили её. Да и лицом она вышла. Оно имело правильную овальную форму с мягкими очертаниями подбородка, яркие губы с чуть раздвоенной, как плод вишни, нижней губой, и светящиеся яркие голубые глаза. Брови горделиво изогнуты, а взор всегда полон степенного достоинства и уверенности в себе, из-за чего могло показаться, что она смотрит с надменностью, однако, стоило начать общаться с ней поближе, услышать ее мягкий и ровный тембр голоса, как сразу собеседник невольно начинал

располагаться к ней, ибо ей не были присущи высокомерие и спесивость, а вот такие качества, как рассудительность и умение всегда дать мужу дельный совет – определённно, да.

Совершенно точно можно утверждать о ней то, что она на двадцать первом году жизни была госпожой твердых взглядов, мудрых мыслей и дел, а из уст ее слетали лишь умные речи, очи ее видели мир, как никто другой, а голова руководствовалась она всегда лишь моралью, совестью и справедливостью. Сердце Бертиль пламенело любовью к жизни и к своей семье, а благополучие родных всегда было для молодой женщины на первом месте. Она была счастлива тем, что были счастливы ее родные.

Бертиль без труда удалось заслужить одобрение барона и баронессы. Она всегда проявляла почтение, никогда не перечила никому, зная свое место – место прилежной невестки, и исполняла свой долг, рожая Осмунду детей.

Особенно к ней была расположена баронесса, и Бертиль, в раннем возрасте лишившаяся матери, тоже искренне полюбила матушку мужа, ведь иное было бы просто невозможным, когда госпожа по своей натуре имела мягкий, спокойный характер и большинство женских добродетелей. Бертиль всегда восхищало то, что баронесса никогда не позволяла себе недостойного или вызывающего поведения. Она не столько баронесса, сколько жена и мать, и так глубоко привязана к своей семье, всегда старалась видеть в людях хорошее, не замечая плохого.

Несмотря ни на что она всегда будет любить и мужа, который причинил ей множество горестей и страданий, и своего сына, который в ответ её глубоко уважает и прислушивается к её мнению.

Баронесса добилась внушительных уважения и почёта со стороны того же барона Хорсы, своих детей и окружающих. И, бесспорно, что Бертиль стремилась брать пример с такой женщины и быть достойной госпожой.

Но вот с леди Хельгой дела обстояли немного иначе. Когда та, овдовевшая, вернулась в Грейстоун, их отношения сладились далеко не сразу. Будучи единственной дочерью баронской четы, которой многое позволяли, Хельга ревновала матушку к Бертиль, взирала на неё с неприязнью, даже иногда позволяла себе колкости в адрес невестки. Разумеется, Бертиль ничего не оставалось, как проявлять терпение.

Проницательная и уступчивая, она нашла выход из этого скрытого противостояния, дав понять заносчивой золовке, что она довольна тем, что имеет, и не претендует на ее место любимицы в глазах отца и матери.

Сейчас Бертиль была матерью уже троих детей Осмунда: четырехлетних Этельгифы и Освальда, и еще одной девочки, Годгифа, какой вскоре должно будет исполниться два полных года. И на этот раз все члены их семьи надеялись, что снова будет мальчик, ибо в такие тяжелые времена, когда Англия погрязла в гражданской войне за престол, благородному роду Хардфистов необходимо было подарить несколько наследников мужского пола, и тем самым укрепить положение своего мужа.

- Давненько мы не гостили в Грейстоуне у родителей, да и они не посещали нас, - рассуждал Осмунд.

- Минуло немногим более месяца, как матушка и леди Хельга побывали у нас, - усмехнулась Бертиль. - Вот появиться на свет наше дитя, и они тут же придут.

- Мне показалось тогда, что матушка чем-то огорчена, и эта мысль не даёт мне покоя. Неужели отец вновь причиняет ей боль тем, что открыто проводит время с другими женщинами?

- Осмунд, послушай меня! Ты никогда не должен вмешиваться в дела своего отца, и никогда не должен перечить ему! Мне тоже горько видеть, как матушка страдает, однако мы ничего поделать не можем. Не смеем. Ты ведь уже предлагал матушке какое-то время пожить у нас, помнишь? И она ответила, что место баронессы – рядом с бароном, твоим отцом.

- Знаю, твоя правда. И всё же я всякий раз думаю, как она там без меня.

- Матушка не одна, с ней рядом леди Хельга и её маленькая дочка. Уж леди Хельга в обиду нашу матушку не даст никому. Она всегда переживает за неё и сумеет оградить от печалей. Ты же знаешь.

Осмунд остановился и повернулся к ней. Посмотрел на жену с нежной улыбкой.

- Отрада моя, а ты всегда ограждаешь от печали меня. Я так люблю тебя! И всегда буду любить. Даже если здесь соберутся все самые признанные красавицы мира, их крик не заглушит твоего шёпота. Для меня женщины прекраснее и желаннее нет и не будет никогда, Бертиль моя.

Они слились в трепетном, как дуновение ветра, поцелуе, но вот, Бертиль ощутила резкие покалывания внизу живота, пронзительно вскрикнула, резко наклонилась вперёд, вцепившись пальцами в руку мужу, – это начались схватки.

Осмунд, уже не впервые будучи в такой ситуации, уверенно подхватил жену на руки и понёс внутрь крепости.

Отдышавшись, Бертиль взволнованно привстала на локтях и потребовала у повитухи требовательно осведомилась:

- Говори, кто родился? Это мальчик?

- Всевышний послал Вам чудесную девочку, госпожа, - сообщила повитуха. – Сейчас ее омоют и принесут Вам.

Бертиль удрученно вздохнула, но все же ощутила прилив материнской любви, ведь она в четвертый раз стала матерью, и не могла не радоваться этому. Когда малышку дали ей на руки, она с любовью вглядывалась в ее маленькое прекрасное личико и счастливо улыбалась.

- Добро пожаловать в наш дом, доченька. Я обещаю, что все будут очень любить тебя, моя красавица.

Тот час же в покоях появился взвинченный Осмунд, все это время ожидающий за дверью, пока его любимая жена даст жизнь их чаду, и взволнованно метаящийся из стороны в сторону вдоль стены. Узрев Бертиль с ребенком на руках, выражение его лица сменилось облегчением.

- Моя Бертиль... я так рад, что Вы здоровы! – с облегчением выдохнул молодой человек

- Девочка, - с некоторой осадой сообщила леди. – Я родила девочку, а все так ждали мальчика.

Осмунд присел рядом с женой и дочерью на ложе, поцеловал супругу в чело, после чего взял девочку из ее рук и с улыбкой взглянул на ее личико, смиренное безмятежным сном.

- Я всегда буду любить своего ребенка, и не важно, мальчик это или девочка. Я велю отправиться в Грейстоун гонцу с радостной вестью, Бертиль. Пусть же родные разделят с нами нашу радость!

Когда на следующий день покоях леди Бертиль в Толл-Тауэре собралась вся семья, у каждого из них были свои эмоции на лице, и Бертиль сделалась смущенной под их взорами. Барон выглядел недовольным, а леди Хельга поздравила невестку с рождением дочери с некой снисходительной ехидной радостью. Леди Ровена же поздравила с искренней улыбкой.

- Я родила не мальчика, господин. Простите меня, что не оправдала Ваших ожиданий.

Баронесса поспешила приблизиться к невестке, которая сидела на ложе и держала ее новорожденную внучку на руках, укутанную в светлое покрывальце с кружевом.

- Я возблагодарила Всевышнего за то, что он послал нам такую славную девочку! Дай мне ее, Бертиль, - просила леди Фрида, мягко улыбаясь невестке, и приняла ребенка из ее рук. – Разве имеет значение мальчик это или девочка, главное, что она родилась здоровой. Я не могу налюбоваться на этого прекрасного ангелочка! Господин, взгляните же! – обратилась она к супругу, легонько покачивая спящего младенца на руках.

Барон приблизился и выражение его лица смягчилось, он даже слабо улыбнулся и взял внучку на руки.

- И какое имя будет носить наша девочка, супруг мой? – молвила баронесса.

- Окажите нам честь, господин. Мы очень ждали Вашего прибытия в надежде на то, что именно Вы дадите имя нашему ребенку, - сказал Осмунд.

- Эльсвита, - изрек барон. – Ее зовут Эльсвита. Да благословит тебя Всевышний, милое дитя. – Он нежно поцеловал ее в лобик и велел служанке отдать дитя матери. – Отдыхай, Бертиль. Ты молодец, - одобрительно посмотрел он на невестку. - Позже мы навестим тебя, а сейчас набирайся сил.

В покоях леди Бертиль, в Толл-Тауэре перед вечерней трапезой у колыбели новорожденной малышки Эльсвиты собрались все женщины и дети, пока барон со своим сыном обсуждали некоторые вопросы управления землями в покоях лорда Осмунда.

Девочка только что поела и мать заботливо уложила её в колыбель, где теперь Эльсвита мирно спала. Освальд, под присмотром няньки, стоявшей в стороне, также уснул на ложе матери, двухлетнюю Годгифу, которую уже клонило в сон держала на руках баронесса, сидевшая в складном кресле, а старшие внучки барона стояли у колыбели и перешептывались о чем-то. Этельгифа предложила Патриции показать ей своих новых кукол, восторженно рассказывая кузине, какие они красивые, на что девочка с радостью согласилась, а ещё она попросила её остаться подольше, ибо брату не интересно играть с ними, а Годгифа еще слишком маленькая и очень капризная, на что Патриция ответила, что привезла с собой свою собачку Бусинку, и обязательно покажет её своим кузенам.

Леди Хельга, леди Ровена и леди Бертиль тоже разместились подле баронессы в складных креслах, принесенных специально для них слугами и выставленными полукругом у большого открытого очага на каменном подиуме, где уже сейчас, несмотря на раннюю осень, развели огонь, заботясь о здоровье новорожденной, ибо в эту пору в стенах крепостей уже могло быть прохладно.

Женщины пили травяной чай из чашек, сбором которого занималась сама леди Ровена.

- Превосходно, - одобрительно отметила баронесса, вкусив первый глоток. – И какие же травы входят сюда, Ровена?

- Листья смородины, липа, мелисса, чабрец и ромашка, госпожа, но без добавления ложечки мёда он бы не был таким сладким, госпожа, - ответила Ровена, чинно чуть улыбнувшись губами. – Благодарю за любезность.

- Хм, а мне уже показался этот напиток несколько приторным, что аж зубы сводит, - съязвила Хельга и невозмутимо улыбнулась, глядя на кузину, которая оставалась совершенно спокойной и невозмутимой, напротив, во взгляде её темно-серых глаз скользило насмешливое снисхождение.

- Каждому своё, госпожа, - молвила Ровена и уместно добавила мудрую мысль: - Всем без исключения может нравиться только золото, не так ли? А предпочтения в еде и напитках – это лишь дело вкуса.

- Кстати, сестра, а где твой любезный муж? Почему ты и в этот раз прибыла без него? Неужели он настолько не уважает нашу семью, что даже не соизволил почтить нас своим присутствием?

- Алан приболел, госпожа, только и всего.

- Ну а когда же и от Вас мы дождемся благой вести? Вы женаты уже больше года, а детей всё нет и нет.

- Благодарю Вас за заботу, но как мне быть, я разберусь. Я молода – и могу родить, когда захочу. Глядите, и Вам скоро такая возможность представится вновь, ведь время Вашего траура подошло к концу, и господин наверняка подыщет для Вас достойного жениха. Негоже такой

молодой и красивой женщине, как Вы, быть незамужней. Вы просто обязаны обрести счастье, дорогая госпожа, чего я Вам и желаю.

Леди Фрида поспешила вмешаться, ибо знала, какие отношения между её дочерью и племянницей господина, и откуда идут растут эти корни. Она упреждающе посмотрела на дочь, которая не удержалась в очередной раз, чтобы не уколоть чем-нибудь кузину.

Баронесса и сама не питала особо теплых родственных чувств к Ровене, какая была дочерью её закланной соперницы за сердце супруга; женщина помнила, сколько страданий некогда ей доставила Снэфрид, однако она считала своей обязанностью уважать Ровену, тем более, что барон всегда относился к ней с расположением, и не допускать ссор и розни в семье, ибо это претило её миролюбивой натуре.

- Хельга, Ровена, довольно об этом.

- Матушка, я надеюсь, Вы окажете нам честь и останетесь еще на пару дней? – спросила у баронессы леди Бертиль, желая тем самым сменить тему разговора и разрядить обстановку.

- Разумеется, доченька. Я уже думала об этом. Господин наверняка вернется раньше, а я могу остаться и на целую неделю.

- Замечательно, я очень рада! Дети очень соскучились по Вам, и мы с Осмундом будем бесконечно рады Вашему пребыванию подле нас.

- Я же просто не смогу так скоро покинуть моих славных внуков, тем паче, что Эльсвита совсем кроха, и я считаю, что мы должны быть рядом с вами. Хельга с Пэтси тоже останутся, да, доченька? Девочкам будет полезно провести время вместе.

- Всенепременно. Моя дорогая племянница будет красавицей – это заметно уже сейчас, и да ниспошлёт ей Всевышний крепкого здоровья и всех земных благ, однако, Бертиль, отец все же ждал рождения еще одного наследника. Он даже не скрыл одолевающей его досады на людях, - не задумываясь о чуткости, сказала леди Хельга, что даже баронесса опешила от такого поведения дочери, в изумлении вскинув брови.

- Из-за того, что Эльсвита родилась не мальчиком, Вы полагаете, что она достойна меньшей любви, чем остальные дети, госпожа? – обиженно поджав губы и с достоинством вскинув подбородок, ответила Бертиль золовке. - Если и так, то мне и моим детям достаточно любви нашего супруга и отца, а мой Осмунд любит всех наших детей одинаково, не выделяя никого.

- Доченька, наша Эльсвита бесценна, - поспешила заверить любимую невестку баронесса, - как и все мои внуки. И господин, и я всегда будем любить их всех одинаково. Не стоит волноваться, моя красавица, а тебе, Хельга, не следовало так говорить.

- И я тогда тоже останусь, если госпожа не против, - отозвалась леди Ровена, обращаясь к баронессе, и в поддерживающем жесте накрыла ладонью руку невестки, за что та обратила к ней благодарный теплый взор ярко-голубых очей.

Когда все разошлись по подготовленным для них комнатам, лишь леди Ровена задержалась в покоях невестки, видя её удручённое настроение, и желая поговорить с ней и приободрить. Эльсвита уже мирно спала в своей колыбельке из резного дуба, и Ровена наказала слуганкам выйти из покоев ненадолго.

Она наклонилась к Бертиль и вполслуха заговорила:

- Вижу, что бесцеремонность Хельги огорчила тебя, Бертиль, но не стоит так расстраиваться из-за её колких речей. Она ведь у нашего господина единственная дочь, только поэтому всё время нос задирает и смотрит на всех вокруг с превосходством. На деле же – она несчастная молодая вдова, которой не довелось познать ни любви, ни женского счастья, вот она и стремится ужалить тебя. Она просто завидует тебе, глядя на то, как ты любима Осмундом и как он ценит тебя, и к тому же, Хельга очень спесива. То, что её окончательно погубит – это спесь. В её душе столько спеси, что она не видит ничего дальше собственного носа. Нам надлежит почитать её, но чаще всего – терпеть, - по-доброму усмехнулась Ровена, и Бертиль тоже улыб-

нулась губами. – Об одном она забывает: настанет час, и именно ты станешь баронессой Грейстоунской и полновластной госпожой этих угодий, мать будущего барона – именно ты. Хельга же – рано или поздно во второй раз выйдет замуж и покинет нас, да благословит её Господь.

- Я никогда не забуду Вашей доброты, госпожа. – Бертиль с благодарностью накрыла руку леди Ровены своей ладонью и тепло улыбнулась, отчего её приятное лицо будто расцвело.

Грейстоун-Кастл, в то же время.

Тем же временем леди Хельга, оставшись наедине с собой в подготовленных для неё покоях в Толл-Тауэре, она беспокойно металась вдоль стены и обратно, заламывая пальцы – молодой женщине было тревожно, сумеют ли её верные люди справиться с данным ею поручением? И избавиться от сей злосчастной напасти по-имени Саннива навсегда! Непременно, Оуэн и Линн сумеют, ведь она всё тщательно продумала. Ради благополучия и спокойствия матушки, они обязаны!

Все должно свершиться сегодня глубокой ночью, когда все обитатели Грейстоуна будут погружены в крепкий и беспробудный сон – один из поваров на кухне плеснёт ковш макового отвара в приготовленное к вечерней трапезе челяди общее питьё, и заснут глубоким сном, а в особенности – бдительный сенешаль Канут, которому одна из служанок, приятельница Линн, должна будет подать напиток с сильнодействующим снотворным.

В полночь, согласно уговору, Санниве должно выйти из комнаты и прийти к Оуэну в назначенное место, если же она вздумает воспротивиться и не явиться, то дальше дело будет за одной из служанок, которая за несколько монет согласилась сообщить проклятой девке о том, что её якобы ждёт в своих покоях возвратившийся в крепость барон, и как только она покинет свою комнату, Оуэн тайно выведет девчонку из крепости через башню, выходом из которой мало кто пользовался, на задний двор к конюшням, где их будет поджидать один из конюхов, после чего Санниву посадят на лошадь и доскакав до фэнов, Оуэн перережет ей горло и сбросит тело в болотную трясику, где эта окаянная канет навсегда – и всё будет выглядеть так, будто она просто сбежала и бесследно исчезла. План рискованный, но всё хорошо продумано и сложностей не должно возникнуть.

Саннива же, пребывающая в своих покоях в Грейстоуне, тревожилась не меньше. Она помнила наказ госпожи, но согласилась лишь затем, чтобы потянуть время, не гневить и не провоцировать дочь барона на более решительные действия, которые могли бы угрожать жизни её или её подруг. Саннива ждала барона и надеялась, что когда он вернётся, то при нем леди Хельга более не станет принуждать её к каким-либо действиям.

Когда барон и его семья отбыли в Толл-Тауэр, опустевший Грейстоун-Кастл остался на попечении сенешала, сэра Канута.

- Вскоре человек госпожи придет за тобой, - шепнула ей проходящая мимо Линн.

Саннива понимала, что такая жестокая и надменная особа, как леди Хельга не потерпит возражений. Она отдала приказ своим слугам, и пленница барона в страхе ждала момента, когда они попытаются осуществить поручение своей госпожи.

По правде говоря, Саннива отчаянно не понимала, что ей делать.

Они с подругами уповали на удачу и, обсудив между собой предстоящее, не нашли ничего лучше, чем просто запереться на внутренний засов в покоях, и всю ночь никуда не выходить. Ну не могла же Саннива пойти к управляющему крепости и поведать о том, что сама леди Хельга велела ей сбежать из Грейстоуна. Сие посчитают чушью и наговором на госпожу, а саму Санниву – клеветницей, и не преминут покарать за подобное. Господа очень жестоки и не знают жалости к низшим сословиям – это она уяснила очень хорошо. Кто бы ей поверил или защитил? Тот же сэр Канут, всю жизнь преданно служивший семье Хардфистов, счёл бы это возмутительной ложью, а барон... Барон, так сильно любящий единственную дочь, привязан к ней всем сердцем и осыпает госпожу роскошью и вседозволенностью.

Он отсутствовал, а о том, какова была бы его реакция, Саннива даже думать не хотела. Кто она такая, дабы посметь противопоставить свои слова, не имеющие никаких доказательств, против слова госпожи, которая, конечно же, станет всё отрицать, в случае чего?

Леди Хельга надменна и коварна, она привыкла всегда получать желаемое и презирала низшее сословие, к коим они принадлежат – так сказала ей Эбба, да и сама Саннива, будучи не глупой, чувствовала исходящую от госпожи угрозу.

Она решила, что не сомкнет глаз в эту ночь. Она пребывала в неопределённом положении, в замешательстве, смятении и страхе, ведь близилась полночь, и она уже должна была выйти из своей комнаты и встретиться с Оуэном, человеком леди Хельги, в узкой башне, прилегающей к донжону.

Агну все же сморил сон, и она задремала в деревянном кресле, а они с Эббой оставались настороже. Наступила полночь, минуло около получаса, но пока что ничего не происходило.

Когда в дверь дважды постучали, взвинченная Саннива ощутила, как сердце часто и гулко забило в груди. Взгляд широко распахнутых светло-зелёных очей девушки был полон испуга, когда она посмотрела на настороженную Эббу, которая приложила палец к губам, подавая знак молчать.

Тогда стук в двери повторился.

- Девушки, просыпайтесь, – раздался знакомый Санниве женский голос служанки. – Меня прислал сенешаль: господин вернулся в Грейстоун и мне велено сопроводить Санниву в его покои.

Саннива даже испытала облегчение, поверив словам служанки и встала со скамьи у стены, где до этого сидела, намереваясь отпереть засов и выйти.

- Постой. – Эбба перехватила подругу за руку чуть выше локтя. - Так поздно? – с подозрением шепотом сказала Эбба. – Очень странно. Господин никогда не возвращается так поздно, соблюдая меры предосторожности. Если и она с ними заодно?

- Огива? Нет, мне кажется, что ей можно доверять. Она и прежде всякий раз сообщал, когда барон желал видеть меня. О, Боже, кто бы мог подумать, что я буду радоваться тому, что иду к нему в покои!

- Ты наивна, словно дитя, Саннива. В этой крепости каждый может пойти на подлость, желая выслужиться.

- Однако если и правда господин вернулся и зовёт меня, Эбба? – возразила она. – Насколько я узнала его нрав: если не явлюсь, он прикажет своим стражникам вынести эту запертую дверь! Не стоит злить его.

- Девушки, мне долго ждать? Я же слышу, что вы там шушукаетесь! Открывайте, ну же! – звучал требовательный голос Огивы. – Иначе барон будет недоволен, а я не хочу из-за вашего промедления схлопотать себе наказание.

- Где же сенешаль? – задалась вопросом Эбба, которой не давало покоя чувство подозрения. – И почему это господин возвратился в такой поздний час, неужели не стал дожидаться утра?

- Как можно нашему господину, не спросив леди Эббу, возвращаться в Грейстоун и самому решать, в какой час разъезжать по своим владениям, да? – чуть язвительно отозвалась Огива, хотя такая манера общения среди челяди порою была ей присуща. – Открывайте немедленно дверь! Барон ждёт девушку! Сенешаль встречает его, как и положено, распоряжается накрыть на стол.

- Все, хватит! – метнулась к двери Саннива. - Я пойду.

- Тогда я пойду с тобой, – настояла Эбба и приблизившись к обернувшейся для того, чтобы подождать подругу Санниве, положила ей ладонь на плечо.

- Идём-ка, - чуть напряженно улыбнулась ей Саннива, ибо подозрительность Эббы вселили и в неё некую неуверенность. – Все будет хорошо.

Эбба с тенью сомнения отодвинула засов, отпирая двери и отворила их наружу таким образом, что они прикрыли затаившегося у стены Оуэна, который выжидал, пока девушки выйдут.

Изначально эта чертовка Саннива должна была сама явиться к нему в полночь, когда все уснут, однако этого не произошло. Тогда Оуэн немного выждал и прибегнул к запасному плану, как и велела ему его госпожа, леди Хельга. Они с Огивой условились, что он схватит Санниву, а Огива возьмёт на себя служанку, которая приставлена к ней. Тогда ему придётся избавиться от них обеих, но это не имеет никакого значения.

Оуэн быстро вышел из-за своего укрытия, и они вместе с Огивой бросились к девушкам, чтобы схватить их обеих, зажать им рты и оттащить в безлюдную башню. Слуга леди Хельги легко справился с Саннивой, которая дёргалась и громко мычала, но мужские руки обхватили её так крепко и сильно, что вырваться было бесполезно, и он потащил Санниву в башню, а вот Эбба оказалась не так проста!

Она сильно наступила Огиве пяткой на ногу, отчего та, протяжно застонала, стиснув зубы, дабы ненароком не разбудить кого, разжала руки и Эбба смогла высвободиться. Обе служанки понимали, что нужно во что бы то ни стало спасти себя: Огиве должно было закончить начатое, а Эббе – поспешить на помощь подруге, чья жизнь находилась в цепких лапах Оуэна. Они обе действовали на опережение друг друга.

На руку Эббе было и то, что Огива ещё постанывала от вспыхнувшей боли в ноге, и девушка кинулась к горевшему на стене в подставке факелу, вырвала его из скобы начала махать перед Огивой, отчего так отскакивала назад.

- Негодяйка, ты госпоже жизнью заплатишь, – кричала та.

- Не раньше твоего, подлая ведьма! - прошипела Эбба и, решительно подавшись вперёд, ткнула его в лицо Огиве. Та взвыла, закрылась руками, а когда Эбба ударила её металлическим факелом по голове, оглушая, огонь перекинулся и на её волосы, отчего они вспыхнули, а сама Огива завопила и кинулась прочь.

Эбба же метнулась к ступеням в узкой башенке, куда Оуэн потащил Санниву, затем сообщила, что одна она не справится с ним – крепким здоровяком, да и наверняка у него где-нибудь припрятан нож, и он просто-напросто убьёт Санниву... Черт подери, где вся стража, почему не сбежались на шум и крики? Где сенешаль?

Эбба побежала по коридору донжона, заголосила, призывая на помощь.

- Стража! Стража, на помощь! Все сюда! Стража! – кричала сбившимся голосом и уже готова была разрыдаться от беспомощности.

Из комнаты вдруг выскочила всполошившаяся Агна, только сейчас пробудившаяся от крепкого сна, кликнула Эббу.

Оуэн, зажав Санниву в нерушимой хватке, спустился уже к самому низу ступеней в крутой и узкой башне, когда услышал доносящееся эхо доносящихся из донжона женских и мужских голосов нескольких человек. Значит, поднялся переполох!

Эбба как раз указала пальцем троим сонным и крепким мужчинам из челяди, которые в этот вечер пили меньше остальных и пробудились на зов служанки, и вот – Оуэн уже слышит приближающийся топот шагов, и поволок Санниву обратно вверх по ступеням, восклицая:

- Все сюда! Где вы ходите? Пока вы спите, олухи, эти две девки хотели убежать из Грей-стоуна!

Толл-Тауэр. Раннее утро.

В крепость прибыл гонец из Риверс-Тауэра с прискорбным известием о том, что от родильной горячки скончалась леди Эдра Риверс и что сегодня поздним утром состоятся похороны. В Толл-Тауэре все были опечалены столь неожиданным и горьким известием, и барон немедленно отправился к Эспену Риверсу вместе с сыном Осмундом и племянницей,

леди Ровеной, которая, несмотря на свою силу воли и всегдашнюю бесстрастность, была расстроена больше всех. Баронесса также хотела поехать, но супруг велел ей оставаться с невесткой, дочерью и внуками. Господин уверил её, что сегодня вечером они вернуться в Толл-Тауэр, или крайний строк – завтра днём.

Когда они отбыли, то на лошади прискакал ещё один слуга, уже из Грейстоуна с посланием от сенешаля, где говорилось, что в крепости случилась непредвиденная ситуация – и без вмешательства господина им не разобраться. Сенешаль подробностей не уточнял, лишь уповал на скорое прибытие барона.

Прочитавшая послание баронесса встревоженно молвила:

- О, Всевышний. Что же нам делать? Господин ведь уехал, а оставлять Бертиль одну тоже не следует. Она плачет у себя в покоях. Что за день такой сегодня?

Хельга постаралась не выдать охватившего её напряжения. Она приблизилась к матери и положила руку ей на плечо.

- Позвольте, я сама отправлюсь в Грейстоун и разберусь с этим, матушка. Если в действительности все так серьёзно, то мы с сенешалем придем к какому-то решению, а Вы побудете с Бертиль и детьми. Пэтси пусть тоже останется с вами.

- Правильно, Хельга. Поезжай, но как только прибудешь, то пришли мне весть, чтобы я не волновалась.

- Непременно, матушка. Не тревожьтесь.

Когда она прибыла в Грейстоун, то её встретил напряженный сенешаль.

Он первым делом спросил, где господин, на что леди Хельга ответила, что отец на похоронах леди Риверс, чем заставила ошеломленного Канута Уэйка замолчать, и потребовала объяснить, что произошло в их отсутствие.

Сенешаль пояснил, что сегодня ночью слуги поймали Санниву и прислуживающую ей Эббу за попыткой побега из Грейстоуна, однако девица барона твердит, что они ни в чём не виновата, а двое слуг, Оуэн и Огива, выманили их из комнаты под предлогом того, что господин вернулся. Сэр Канут склонен не доверять этим словам, так как Саннива упрямо твердит, что будет отвечать перед бароном. Сенешаль добавил также, что Эбба обожгла Огиве лицо и руки факелом, когда та пыталась остановить двух беглянок вместе с Оуэном.

- Вот как? – стараясь выглядеть невозмутимой, изрекла Хельга, и даже нахмурилась, дабы выглядеть правдоподобно. – Полагаю, эти нечестивицы сидят в темнице? И та, третья, бело-брысая... где она?

- Разумеется, госпожа, я отправил их в темницу.

- А Оуэн и Огива?

- Оуэн также в темнице, а Огиве врачевательница оказала помощь, но она все равно скончалась от полученных ожогов.

- Почему мой человек в темнице, сенешаль? Как такое возможно? – негодуя воскликнула. – Оуэн служит мне много лет, еще со времен моего замужества. Он мой самый преданный и надёжный слуга. Ты представляешь, что такое посадить в темницу моего человека? Или ты не доверяешь его словам? Немедленно освободить его!

- Простите, госпожа. Я немедленно исполню! Стражник, ты слышал, что сказала госпожа. Выполняй! – Канут обернулся к стражнику и тот отправился выполнять приказ, после чего обратил взор к дочери барона. - Ну а что делать с девицами, госпожа?

- Разумеется, наказать. Высечь как следует хлыстом! Десять... нет, пятнадцать ударов потаскухе! Пусть знает своё место, а что же до служанки... пусть пока в темнице отдохнёт без воды и еды. Господин дальше решит их долю и, разумеется, не оставит убийство безнаказанным. Думается мне, что служанка будет казнена.

- Быть может, нам следует все же дождаться барона, госпожа? Пусть он решает, - высказал сомнение Канут.

- Я не ожидала от Вас такого, сенешаль. Разве не Ваша обязанность служить всей нашей семье и обеспечивать в Грейстоуне порядок? Отец возвратится лишь через несколько дней и, поверьте, он придет в ярость, узнав, что все это время Вы бездействовали. Как станете оправдываться в таком случае? Господин уполномочил Вас принимать решения даже в его отсутствие, или это не так? Я всего на всего пытаюсь восстановить порядок и, возможно, спасаю Вас от гнева барона.

- Да, госпожа, я немедленно исполню.

Хлыст больно рассекал кожу Санниве на спине. Она отчаянно и пронзительно кричала, но Оуэн наносил ей удар за ударом, выполняя приказ леди Хельги.

В тех местах, где образовались свежие раны кожа неимоверно жгла, но Оуэн снова заматывался хлыстом и бил. И ещё раз, ещё и ещё... Когда наконец это прекратилось, он развязал ей руки, связанные верёвкой, примотанные этой же верёвкой к крючку на потолке одной из темниц, где наказывали провинившихся.

Закончив, два стражника грубо взяли девушку под руки и поволокли её на подкашивающихся ногах обратно в темницу. Толкнув Санниву в сырое темное помещение, они со скрипом закрыли с массивную решетку.

- Не давайте ей ни еды, ни воды, - презрительно велел женский голос, который сочился ядом, и принадлежал госпоже. – Пусть сгниёт тут.

Саннива впала в оцепенение после пережитого потрясения.

Если до этого сидя в темнице после того как их обнаружила стража Саннива была ещё в силах метаться, то нынче, после наказания плетью, после того, как она пропустила через себя всю боль от размашистых ударов хлыста, силы оставили её.

Она какое-то время сидела на холодном полу в полумраке. Боль в рассечённых ранах на спине чувствовалась все пуще, местами порезы кровоточили. Она закрыла лицо руками и горько заплакала, завывала: и от боли телесной, и от осознания того, в какую западню угодила.

На следующий день...

После похорон леди Элдры Риверс, барон не стал возвращаться в Толл-Тауэр, а попрощавшись со своим сыном Осмундом, сразу направился в Грейстоун-Кастл. Они условились, что баронесса, его дочь и внучка останутся гостевать там на недельку-другую, а сам господин, разобравшись с кое-какими делами, придет еще через некоторое время погостить.

Ровена осталась в Риверс-Тауэре, ибо была нужна своему родственнику Риверсу как никогда – ему жизненно необходима поддержка близкого человека в такие сложные и омрачённые болью утраты и последующими за этим тяготами дни.

Когда барон появился в главном зале Грейстоуна, ему первым делом доложили, что в крепости находится его дочь. Она отдыхала у себя в покоях.

- Хельга? Почему она вернулась без моего на то позволения? – с недовольством осведомился он, но слуга лишь потупил взор. – Ясно. Сенешалья ко мне в покои позовите. И приготовьте мне лохань с горячей водой и трапезу.

- Да, господин.

Хорса сожалел о произошедшем с леди Элдрой. Они с Риверсами никогда не поддерживали особо тесных родственных связей, по большей части в теплых отношениях с ними состояла Ровена, ибо почившие леди Идгит, мать Эспена, и леди Гунхильд, первая супруга покойного отца Хорсы, барона Освальда, мать его старшего брата – Этельстана, бабка Дастина и Ровены, приходились друг другу родными сестрами, и так как сам Хорса был сыном леди

Милдред Уэйк, второй жены барона Освальда, то Риверсы приходились ему и его семье родственниками лишь номинально.

И все же, несмотря на это, Эспена Риверса барон ценил. Он добропорядочен и разумен, леди Элдра, стоило барону посетить Риверс-Тауэр, всегда с радушием и почтением встречала его; и Риверсы были желанными гостями на празднествах в Грейстоуне: Рождество, Пасха, йоль... и тут такая беда.

Вошедший сенешаль выдернул барона из раздумий, поклонился.

- Господин, - обратился он к нему свои мутно-зелёные глаза. – Добро пожаловать. Простите, что не подготовились сразу, как подобает – мы ожидали Вас несколько позже.

- Ничего. Саннива пусть придет ко мне, а пока что поясни, что Хельга в Грейстоуне делает? Почему без моего ведома она находится здесь, если должна была оставаться в Толл-Тауэре?

– Господин, есть кое-что, о чем мне надлежит немедля сообщить Вам.

Канут вроде говорил, как обычно, но на его лице читалось некое беспокойство.

- Говори.

- Санниву с одной из служанок поймали за попыткой побега, и сейчас обе находятся в подземелье.

- Что? – пораженно воскликнул барон и гневно уставился на своего сенешаля, невольно чуть подавшись вперед всем телом. – Как такое возможно?!

Канут стал торопливо рассказывать, что все случилось глубокой ночью, когда все спали. Саннива и служанка вышли из комнаты и направились в примыкающую к донжону башню, однако их заметили двое других слуг: Оуэн, служивший леди Хельге, и служанка по-имени Огива. Так вот, Саннива смогла убежать немного дальше вниз по лестнице, где её и настиг Оуэн, а Эббу поймала Огива, на крики которой и прибежали стражники из главного зала, мало того, Эбба умудрилась ещё и снять факел со стены и обжечь Огиве лицо и руки, отчего та скончалась.

- Ты где находился в это время, Канут? В Грейстоуне такое творится, а ты как будто и не при чём!

- Простите, господин, я...

Сенешаль тогда немедленно велел заключить всех под стражу в темницы и отправил барону в Толл-Тауэр весточку, однако вместо господина приехала его дочь, сообщив, что господин находится на похоронах леди Элдры Риверс.

Разобравшись, госпожа велела высечь Санниву хлыстом в назидание другим и заточить в темнице, как зачинщицу, а служанок девушки – одну за пособничество, другую за недосмотр – посадить в темницу без воды и пищи.

- Высечь? – горячо вознегодовал барон, метнувшись к родственнику. – И ты пошел это добро без моего ведома? – Барон схватил его за ворот камзола. - Канут, как такое возможно? Вот что, если уж ты отвечаешь за весь Грейстоун-Кастл, ты просто обязан неустанно бдить и днём, и ночью, а иначе – ты мне не нужен! Я позволил тебе принимать решение в мое отсутствие, но ты предпочёл послушать Хельгу, а не сообразить собственным умом, что нужно делать! И если уж ты сомневался, как тебе поступить, то следовало дожждаться меня, а не выполнять приказы малолетней девчонки. Лишь я могу решать, как поступить с Саннивой! Уясни это! – орал барон со всей неистовостью духа, тяжело и пронзительно глядя в очи управляющего Грейстоуна.

- Простите своего ничтожного слугу, господин. Дело столь деликатное, что я... и хотел дожждаться Вас, однако приехала госпожа и велела наказать девушек в назидание всем остальным, обосновав это тем, что... иначе в Грейстоуне не будет порядка, если помедлить с наказанием, и я... не мог с этим не согласиться, тем паче, что леди Хельга для своих лет очень

умна и принадлежит к Вашей семье, господин. Семье, всем представителям которой я обязан служить! Простите меня, если я провинился, то готов за это ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.